

GRISHAVERSE

GRISHAVERSE

ЛИ БАРДУГО

ЖИЗНЬ
СВЯТЫХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

*Как сказала одна мудрая женщина:
«Знаете, в чём беда героев и Святых?
В конце они всегда умирают».
На самом деле, все мы в конце умираем.
Но те, кто воруют книги,
на том свете страшно мучаются.*

ТЕМ, КТО ОСТАЁТСЯ ВЕРЕН
ИСТОРИЯМ

САНКТА-МАРГАРЕТА

Как порой случается в Кеттердаме, в одном из городских каналов поселился демон — на сей раз под мостом в Садовом районе. Это была отвратительного вида когтистая тварь, с белой чешуйчатой шкурой и длинным алым языком.

Каждый день по мосту проходили дети: выстроившись в колонну парами, они шагали в школу, а позже возвращались домой. Ребята не знали, что в городе завёлся демон, и поэтому громко смеялись, и распевали песенки, не заботясь, что это может привлечь чьё-то внимание.

Однажды по пути в школу, когда дети сошли с моста и ступили на мощёную дорожку, они услышали сладкозвучный шёпот: «Йорги, Йорги, ты станешь первым».

Среди ребят и правда был мальчишка по имени Йорги. Заслышав напевы голоса, дети начали дразнить товарища, но никто из них не придавал этому особого значения. Весь день шёпот преследовал школьников — и во время уроков, и за игрой: «Йорги, Йор-

ги, ты станешь первым». Но ничего так и не произошло, и ребята двумя стройными рядами зашагали домой, весело улюлюкая и смеясь по пути через мост.

На другом берегу канала обнаружилось, что мальчик пропал.

— Но он же только что был тут! — воскликнула Мария, шедшая с бедняжкой Йорги в паре.

Дети побежали домой и рассказали всё родителям, но их истории про шёпот никто и слушать не стал. Взрослые искали мальчика повсюду, на лодках прочёсывали канал сверху донизу, но не нашли даже следа Йорги. Все были убеждены, что в пропаже виноват какой-то безумец или преступник, поэтому выставили на улице, ведущей к школе, стражу.

На следующий день по пути на уроки Марии стало страшно идти по мосту. Тогда кто-то произнёс: «Не бойся, я буду держать тебя за руку, и никто тебя не утащит».

Мария подумала, что это её подруга Анна, и протянула ей ладошку. Но, когда они перешли мост, Мария обнаружила, что за руку ее никто не держит: Анна исчезла. Дети плакали и звали на помощь, и тогда учителя с родителями принялись обыскивать улицы города и русла каналов. Анну найти не удалось.

Ребята вновь рассказали родителям про шёпот, но те пребывали в таком смятении, что не могли слушать. Вместо этого они решили удвоить число стражников.

Следующим утром ребята шли в школу почти бесшумно, прижимаясь друг к дружке на подходе к мосту. «Ближе... Ближе...» — шептал демон.

В тот день из окна комнаты, располагавшейся над лавкой ювелира, Маргарета наблюдала за происходящим. Её отец продавал красивые диковинные вещицы, многие из них были созданы по эскизам самой девушки. Маргарета обладала настоящим талантом выдумывать разные изящные детали, а камни, которыми она украшала свои

работы, были невероятно прозрачными и сверкали ярче дозволенного.

Тем утром девушка работала у окна, устроившись в круге солнечного света, когда увидела, как демон, словно клуб дыма, поднялся из-под моста, чтобы утащить малышку Марию. Маргарета закричала на мерзкую тварь, без раздумий схватила со стола сапфир и метнула его в существо.

Пролетая по высокой дуге, драгоценный камень поймал луч света и искрился, будто падающая звезда. Демон застыл как зачарованный. Он отбросил свою добычу в сторону и прыгнул за прекрасным сапфиром в канал. Мария кубарем покатилась по каменной мостовой. И, хотя сильно отбила зад и ободрала колено, девочка поспешила в школу с другими ребятами, благодарная за спасение.

Маргарета пыталась рассказать об увиденном товарищам и соседям. Те внимательно выслушали её историю, ведь знали дочь ювелира как практичную девушку, за которой никогда не наблюдалось склонности к выдумкам. Однако никто не поверил её странной истории. Все решили, что у Маргареты, по-видимому, жар, и посоветовали прилечь отдохнуть.

Девушка поднялась в свою комнату и там села за рабочий стол, бдительно наблюдая за мостом. На следующее утро, когда демон вновь попытался схватить Марию, Маргарета кинула в канал кулон с крупным изумрудом. Тварь отбросила Марию в арку моста и прыгнула в воду вслед за драгоценностью.

Маргарета понимала, что вечно так продолжаться не может. Однажды она замешкается, и демон утащит ещё одного ребёнка, так что девушка твёрдо решила помешать этому раз и навсегда. Всю ночь Маргарета работала над созданием удивительного украшения — бриллиантовой броши, столь тяжёлой, что девушка едва могла её поднять. Как только забрезжил рассвет, она при помощи лебёдки

и шкива подняла брошь со стола и подвесила над каналом на натянутой верёвке. Покупатели, находившиеся в лавке её отца на первом этаже, были обеспокоены странными звуками над головой, но, когда на каждом шагу пропадают дети, у людей на уме другие заботы.

На этот раз, когда школьники подходили к мосту, Маргарета была наготове. Как только выскочил демон, она отпустила верёвку. Брошь рухнула в канал, подняв фонтан брызг. Но даже беглого взгляда, брошенного демоном на сокровище, стало достаточно, чтобы тварь обезумела от желания.

Демон кинулся в тёмные воды, отбросив все мысли о пожирании детей и протянув когтистые лапы к бриллианту на дне канала. Но брошь оказалась невероятно тяжёлой. Любое разумное существо просто оставило бы драгоценность, но у демонов нет разума — лишь страсть. Завидев переливы камня, когда тот летел, чудовище осознало, что в жизни не встречало ничего прекрасней и желанней.

Демон умер, пытаясь поднять брошь, и тело его всплыло на поверхность канала. Торговый совет освежевал тушу и сделал из шкуры алтарный покров для Церкви Бартера.

Говорят, что много лет спустя, когда наступила великая засуха и каналы города обмелели, на дне у моста нашли тайник с украшениями, где хранилась та самая тяжёлая брошь, которую никто так и не смог поднять. А под драгоценностями лежала груда детских костей.

Каждый год на берегах канала зажигают фонари и возносят молитвы Маргарете — святой покровительнице воров и потерянных детей.

САНКТА-АНАСТАСИЯ

Анастасия была благочестивой девушкой из деревни Цемны. Она славилась невероятной красотой: её рыжие волосы пылали, словно поле недавно распустившихся маков, а зелёные глаза сверкали ярко, подобно полированному стеклу. Об этом любили пошептаться жители деревни, завидев Анастасию на рынке, а ещё посещать, что девушка всё своё время проводит, зажигая в церкви свечи за бедную покойную матушку и ухаживая за стариком-отцом в их мрачном домишке. Люди говорили, что такой красавицей надо любоваться и восхищаться, и предостерегали Анастасию, как бы она не состарилась раньше срока.

Однако жители деревни потеряли всякий интерес к сплетням, когда в Цемну пришла смертоносная чума. У них больше не осталось сил ходить на рынок и даже в церковь. Лихорадка приковала людей к постелям. Еда уже не привлекала больных, и, если кого-то кормили насильно, человек угасал и в конце концов умирал.

Анастасия не заразилась. Отец девушки, опасаясь, что соседи обзовут её ведьмой,

не выпускал дочь из дома, чтобы никто не видел её пухлые ножки и румянец на щеках. Но однажды старик не смог подняться с постели и отказался от мяса, от хлеба, и даже от деликатесов, приготовленных для него Анастасией.

Когда девушка опустилась на колени, дабы помолиться Святым о спасении жизни отца, к ней обратился голос. Заканчивая молитву, Анастасия уже знала, что делать. Она отыскала самый острый нож, оставшийся от матери, сделала на руке длинный тонкий надрез и наполнила своей кровью чашу. Девушка поднесла ее к губам отца и попросила выпить.

— Что это за восхитительный аромат? — воскликнул старик. — Пахнет куропаткой, поджаренной до румяной корочки, и подогретым вином с пряностями.

Он жадно испил крови дочери, и вскоре щёки его зарумянились, а чума покинула тело. Произошедшее видел слуга, так что народ быстро разведal про целебные свойства крови Анастасии.

К дому девушки начали стекаться жители деревни, а затем и окрестных селений. Отец умолял Анастасию одумать и запереть дверь на засов, но она не желала отказывать в помощи. Кровь девушки из запястий, предплечий, щиколоток сцеживали в маленькие блюдца — и выносили людям, которые, отведав её, исцелялись. Когда же Анастасия узнала, что некоторые слишком слабы, чтобы прийти за лечением, она попросила уложить её на повозку и провезти по окрестностям: из деревни в деревню, по городам и подворьям. Ежечасно девушка слабела, пока, наконец, в Аркеске последняя капля её крови не упала в подставленную страждущим кружку, — и тогда тело Анастасии, иссушенное в прах, развеяло ветром.

Санкта-Анастасия известна как святая покровительница больных, и каждый год её прославляют крошечными блюдами красного вина.

САНКТ-ХО И САНКТА-НЕЙЯР

Давным-давно, ещё до эпохи правления королев Табан, Шуханом правил жестокий и невежественный король. Огромное число развязанных им войн истощило армию и сделало страну уязвимой. Некого было призывать на службу: солдат, способных пополнить ряды войск, попросту не хватало. Король собрал советников, но оставалось лишь готовиться к наступлению врага.

Часовщик по имени Хо жил в тени дворца и поклялся использовать каждую крупину своих умений во имя защиты государства. Он работал всю ночь напролёт: сращивал кости с металлом, натягивал сухожилия на шестерёнки. А с утра перед дворцом, выстроившись идеальными рядами и сверкая начищенными сапогами и пуговицами, уже стоял по стойке смирно целый батальон механических солдат. Когда враг пошёл в атаку на столицу, заводные воины вступили в бой. Эти солдаты не чувствовали усталости. Не испытывали голода. Никакие раны

не могли их остановить. Механические воины неустанно сражались до тех пор, пока последний вражеский солдат не был повержен.

Но король не позволил батальону остановиться. Он отправил механическое войско захватывать земли, на которые не имел прав, а если население сопротивлялось, приказывал своим заводным солдатам расправляться с протестующими. Батальон продвигался вперёд, истребляя всех, кто посмел бросить им вызов, разоряя по приказу короля целые города. Одежда воинов обветшала, а сапоги сбились, но и тогда они не прекратили маршировать.

В конце концов даже королю наскучили завоевания, и он велел заводным солдатам остановиться. Но те не повиновались. Возможно, часовщик не наделил воинов достаточно чутким слухом, и они не расслышали приказа короля. А возможно, солдатам просто было всё равно. Может, их шестерёнки вращались мягче, если смазывать зубья кровью. Или, может, воины не могли остановиться. Они были созданы для разрушений и не имели иного выбора, кроме как выполнять своё предназначение.

Стоя высоко на холме, девушка из знатного рода смотрела, как батальон приближался к её городу, и, так же как Хо, Нейяр поклялась использовать все умения, чтобы защитить свой народ. Она отправилась в семейную кузницу и выковала столь острый клинок, что он мог рассечь тень, а его прочность посрамила бы саму сталь. Шёпотом произнеся над металлом молитву, Нейяр двинулась в долгий путь к стенам города. Там девушка предстала перед механическим войском. Три дня и три ночи она сражалась с непобедимыми солдатами, а клинок её сверкал так ярко, что люди, следившие за боем, клялись, что девушка держала в руках молнию.

Наконец последний солдат обратился в кровавую массу и груды покорёженных механизмов, и Нейяр опустила

оружие. Она потребовала, чтобы безответственный правитель сложил свою корону. До последнего оставаясь трусом, а теперь ещё и без солдат, которые могли бы его защитить, король бежал из страны, и с тех самых пор Шуханом правили лишь королевы. Меч получил название *Нешьеньер* — Беспощадный — и поныне хранится во дворце Амрат Ена. Его клинок не тронула ржавчина.

Санкт-Хо известен как святой покровитель благих намерений, а Санкта-Нейяр — как святая покровительница кузнецов.

САНКТ-ЮРИС ОТ МЕЧА

В ходе одной из многих равкианских войн генерал завёл армию на территорию врага, уверенный в стремительной победе. Но погода придерживалась иного мнения. Ветер в клочки раздирали тонкие шинели воинов своими ледяными когтями. Снег просачивался сквозь кожу их сапог, а запасы провизии таяли на глазах. Вражеские солдаты не видели смысла вступать в бой: укрывшись среди скал и деревьев, короткими залпами они убивали людей генерала и выжидали, когда зима возьмёт своё.

Вскоре армия превратилась в жалкое подобие бывшего храброго отряда: они едва волочили ноги, пытаясь пережить очередной день. Наконец генерал отбросил гордость и приказал отступать. Но к тому моменту последний горный перевал на пути домой уже завалило снегом. Солдаты с трудом разбили лагерь. Ночь зажала воинов в свой кулак, а костры шипели, словно пытаясь вдохнуть.

Генерал сетовал на неудачу. Если бы только зима не пришла так рано. Если бы против-

ник не был хорошо подготовлен. Если бы перевал не завалило снегом. Генерал клял судьбу и сказал своим воинам, что, если ночью холод заберёт их жизни, виновниками тому — покинувшие их жестокие, безжалостные Святые.

— Где Санта-Йерин, что должна нас кормить? Или Санкт-Николай, что должен привести нас домой? Сидят где-то в тепле и безопасности и смеются над своими заблудшими детьми.

Некоторые воины были согласны. Они язвительно ухмылялись, заслышав имена Святых, и презрительно плевали в снег. Но в одной из палаток собрались шестеро солдат. Склонив головы, мужчины возносили молитву Святому, который, по их убеждению, помог отряду продержаться так долго, — Санкт-Юрису, покровителю уставших в бою, воину, сумевшему хитростью и силой одолеть дракона, по себе знавшему муки долгих ночей, проведённых в осаде, тому, кто мог откликнуться на мольбы простых солдат.

Шестеро мужчин сидели и тряслись от холода, кутаясь в рваные одеяла, когда услышали вдалеке шум крыльев и ощутили лёгкую дрожь земли. Из-под их ног вырвался поток тепла, облачко горячего пара, будто гора обратилась из камня в живое существо — огнедышащего дракона. Впервые за месяцы согрели свои измождённые тела, солдаты уснули глубоким сном.

Очнувшись, они увидели, что генерал и остальные воины ночью замёрзли насмерть. Снег, заваливший горный перевал, растаял, а дорогу усыпали цветы амаранта — его продолговатые лепестки, подобно алым язычкам пламени, указали верным солдатам путь домой.

Каждый год в день Юриса народ чествует Святого, выкладывая на крыльцо красный амарант и приглашая в гости солдат и ветеранов.

САНКТА-ВАСИЛЬКА

Василька была талантливой ткачихой, жившей в высокой башне. Комната, где она трудилась за ткацким станком, располагалась на вершине винтовой лестницы и благодаря окнам, выходившим на разные стороны, в любой час дня утопала в ослепительно ярком солнечном свете. Там девушка ткала невесомые, словно дым, полотна, украшенные бесконечно сложными узорами. Стоило Васильке коснуться нити, как та будто бы становилась ярче в её руках.

Мужчина, называвший себя колдуном, услышал о даре девушки и предположил, что та, верно, владеет настоящей магией, которую можно попытаться украсть. Он отправился к башне и у подножия встретил отца Васильки, ухаживающего за садом. Колдун не стал вести со стариком бесед о талантах мастерицы или об изысканном гобелене, который якобы планировал заказать, а лишь поведал о своём одиночестве и желании просто посидеть и пообщаться с таинственной девушкой.

Отец Васильки уже давно потерял надежду, что кто-то захочет взять в жёны его странную отшельницу-дочку, и, хотя её ткачество обеспечивало им обоим безбедную жизнь, старик мечтал, что однажды девушка встретит достойного человека и обзаведётся собственной семьёй. Так что он отвёл доброго на вид мужчину вверх по винтовой лестнице, дабы тот посидел с Василькой, пока она трудится у станка.

Колдун рассказывал мастерице о погоде, своих странствованиях, виденных им театральных постановках — эта незатейливая беседа, будто шёпот ручья, должна была убаюкать Васильку, чтобы она выдала все свои секреты. Время от времени мужчина аккуратно вставлял в поток слов вопросы, которые на самом деле его тревожили.

— Как так получается, что у тебя нити ярче, чем у других мастеров? — спрашивал он.

— А вы и правда считаете, что они ярче? — отвечала Василька, вплетая в полотно нить, отливавшую столь ослепительной медью, что узор, казалось, полыхал огнём.

Через какое-то время колдун предпринял очередную попытку:

— Как тебе удаётся придумывать столь чарующие узоры?

— А вы и правда считаете их чарующими? — вопрошала Василька, заканчивая аккуратный ряд, который напоминал шелковистый краешек птичьего пера.

Колдун запнулся и посмотрел в одно из многочисленных окон. Подумав, он наполнил стакан Васильки водой, а её слух — забавными историями и сказаниями о говорящих зверях. Затем мужчина спросил:

— Почему твои гобелены никогда не выцветают?

— А они и правда не выцветают? — промолвила девушка, выбирая брусок дерева покрепче — такой, что смог бы

выдержать любой вес. — Никогда не видела своих работ после того, как их забирают из этой комнаты.

На каждый вопрос, который ей задавал колдун, Василька отвечала вопросом — до тех пор, пока терпение мужчины не кончилось, а злость и досада не выплеснулись наружу.

— Пойдем со мной и будь мне невестой, — в конце концов потребовал колдун. — Я научу тебя использовать свой дар, и вместе мы станем править над всеми низшими существами. Откажешься — и я сброшу тебя с башни. Будешь задавать свои глупые вопросы, падая навстречу смерти.

Но за всё время беседы колдун так и не понял, что именно ткала Василька — пару огромных крыльев. Так что ему оставалось лишь смотреть, как девушка накинула их на плечи и выпрыгнула из башни. Она взмыла ввысь, и нити золотых перьев засияли в лучах света, подобно последним всполохам полуденного солнца.

Говорят, что Василька стала первой жар-птицей, и верующие называют ее святой покровительницей незамужних женщин.

САНКТ-НИКОЛАЙ

Один капитан отправился со своей командой в плавание, и благодаря его выдающимся лидерским качествам и таланту моряков корабль вскоре прослыл самым быстрым и прибыльным во всём океане. Он стремительно входил в бухты и порты и проскальзывал мимо скал и ледников, словно танцуя на волнах. Но со временем капитан возгордился, а у команды проснулась алчность, и моряки стали забывать и про здравый смысл, и про осторожность.

— Разве посмеет ветер сокрушить такой корабль? — кричал капитан небесам.

Среди членов судовой команды был маленький мальчик: несмотря на юный возраст, он уже показал себя талантливым моряком, научившись обращаться с сетями и тросами и бесстрашно карабкаться на мачту. Он переживал, что гордыня капитана оскорбит Святых. Но так случилось, что капитан оказался прав: не ветер посягнул на его корабль, а лёд.

В тот день изящное судно шло сквозь опасные воды Костяной тропы к месту обитания рыбы — обычно никто не осмеливался промысливать так далеко на севере. Хотя год уже подходил к концу, капитан настоял на том, чтобы совершить последнюю ходку и наполнить сети треской, пока не наступила зима. Корабль с лёгкостью проделал свой путь, а ветры благоволили плаванью, как будто потворствовали прихотям капитана. Позже моряки спрашивали себя, не было ли это хитрой уловкой погоды, чтобы заманить их дальше на север.

Корабль стал на якорь в бухте у чёрного скалистого побережья, и судовой экипаж устроился на ночлег, рассчитывая с восходом солнца забрать улов и отправиться домой. Но, проснувшись, моряки обнаружили, что всё кругом стало белоснежным. Море вокруг корабля сковало льдом, тем самым отрезая им путь. Ветры дули, наполняя паруса, но судно не двигалось с места.

— Кому-то придётся разведать побережье, чтобы узнать, есть ли тут еда или укрытие, — решил капитан. Команда отлично понимала, что так далеко на севере не отыскать помощи, и что оставить корабль будет полнейшим безумием, и что, скорее всего, смерти не избежать. Поэтому они послали в снега мальчишку — самого маленького и юного из них.

Ребёнка звали Николаем, и он всегда любил море и почитал Святых. И поскольку в этот раз море его подвело, мальчик решил положиться на покровителей. Так что Николай двинулся через холодные земли, напевая молитвы словно матросские песни. Наконец он дошёл до высокой серой голы скалы, что выглядела как змей, уснувший, пригравшись в солнечных лучах, хотя солнца нигде не было и в помине. Там мальчика ожидал северный олень. Выдыхая клубы пара, животное ударило землю копытами и склонило свою массивную голову, и после секундного сомнения Николай забрался ему на спину.

Олень отнёс мальчика глубоко в лес, где даже сами деревья казались сделанными из льда, а серебряные листья на кристалльных ветвях звенели, подобно бокалам на изысканном приёме. Хотя ветер был силен, Николай крепко держался за шею зверя и ощущал лишь тепло.

Через какое-то время они оказались на опушке леса, где мальчика ожидал настоящий пир у пылающего костра. Неподальёку находилось небольшое укрытие, и внутри, рядом с высокой стопкой тёплых одеял, Николай обнаружил пару подбитых мехом ботинок и шерстяные перчатки. Он примерил находки и отметил, что они ему впору.

Не желая показаться невежливым, мальчик решил дожидаться появления хозяина. Но время шло, живот Николай урчал, а единственными звуками оставались потрескивание костра и фыркание оленя на холодном воздухе.

Сперва Николай отпил из плошкипряного супа с щедрой порцией рыбы. Затем перешёл к блюду, сплошь наполненному сочными кусочками жареного мяса, лоснящимися от масла варениками, сдобренными горкой сметаны, печёными яблоками и засахаренными сливами, которые сверкали словно крупные аметисты. Мальчик выпил подогретого вина и, наконец утолив голод, уснул крепким сном.

На следующее утро он связал из одного одеяла мешок и сложил туда все остатки еды, что смог уместить. Затем Николай взобрался на спину оленя, чтобы тот отвёз его за многие мили до самого змеиного камня, там мальчик спешился, поблагодарил зверя и направился обратно к кораблю.

Капитан и команда были потрясены, когда увидели маленькую белокурую фигурку, шагавшую к ним сквозь льды. Они были уверены, что ребёнок погиб: разве кто-то способен пережить ночь в такой дикой местности? Когда Николай приблизился, моряки ожидали увидеть его запав-

шие глаза, измождённое от холода и голода тело. Но щёки мальчика рдели румянцем, глаза сияли, а ступал он уверенно и ровно.

Николай поведал экипажу чудесную историю о произошедшем ночью, но, развязав узел, чтобы отдать еду, обнаружил лишь камни да пепел. Моряки избили Николая за ложь, забрали себе его тёплые перчатки и ботинки и на следующее утро вновь выгнали в ледяную стужу.

Мальчик опять дошёл до змеиного камня, где его, как и прежде, дожидался северный олень. На нём Николай доехал до белоснежного леса, а потом и до опушки, где снова трещал костёр и был подготовлен славный пир. На стопке одеял лежал аккуратно сложенный красный шерстяной тулупчик, отороченный роскошным мехом, ещё одна пара ботинок и перчатки. Мальчик не знал что и думать, но еда была настоящей, как и прежде. На этот раз он отведал гуся в меду с ягодным соусом — таким кислым, что от него щипало язык, и сок стекал по подбородку. Николай укутался в тёплую одежду и спокойно проспал всю ночь.

Но на следующий день, когда мальчик вернулся на корабль, его мешок вновь был полон камней и пепла. Судовая команда сильно избила его и опять выбросила на лёд.

Так продолжалось и дальше, и чем больше проходило времени, тем сильнее истощались мужчины, а мальчик становился лишь крепче и выносливее. С каждым днём в глазах моряков оставалось всё меньше человеческого, и голод обратился из желания в одержимость. Однажды утром экипаж попробовал проследовать за Николаем, но стоило им завидеть скалу в виде змея, как их окутала метель. Целый день и целую ночь мужчины ходили кругами и вернулись на корабль только голоднее и злее прежнего.

Вскоре моряки начали перешёптываться: может быть, им съесть мальчишку? Кто узнает? Он такой упитанный и здоровый, с румяными щеками, его хватило бы на целую

неделю, а то и больше — достаточно, чтобы пришло спасение или спали морозы.

Услышав эти разговоры, Николай содрогнулся на своей койке. Как только забрезжил рассвет, мальчик выбежал на снег. На этот раз, встретив оленя, он рассказал зверю на ушко все свои страхи и переживания. Но тому нечего было ответить.

Николай сидел у костра безо всякого желания прикасаться к изысканной еде, приготовленной для него. Он лишь отведал немного пирога с перепелиным яйцом и одну засахаренную сливу и помолился Святым о защите, поскольку не хотел, чтобы его съели.

На следующий день, проснувшись, мальчик заметил, что вспотели под своими одеялами. Яркий солнечный свет обжигал шею Николая, когда олень вёз его к змеиному камню. И действительно, как только мальчик ступил на корабль, лёд вздохнул и пошёл трещинами. Корабль покачнулся, ветер наполнил паруса, и судно вырвалось на свободу.

Поначалу моряки ликовали: все их дурные помыслы унесло поднявшимся попутным ветром. Но чем ближе корабль подплывал к дому, тем чаще члены команды перешёптывались о том, что произойдёт, если мальчишка кому-то расскажет, как с ним обращались на борту и как его товарищи чуть было не прибегли к людоедству. Они даже начали думать, что лучше бы Николаю и вовсе не достигнуть берега, и вскоре решили самостоятельно за этим проследить. Но стоило им занести над ним нож, как ветер утихал, корабль останавливался и паруса опадали, будто пожухлые листья. Благодаря этому Николаю удалось пережить плавание.

Когда судно наконец вошло в порт, экипаж встретили толпы людей, давно потерявших всякую веру. Их земляки решили было, что корабль потерпел крушение и сгинул в тёмных водах.. Моряки воспевали мастерство своего

капитана и хвалились, как все они породнились благодаря невероятной храбрости и мужественности — все, кроме юного Николая, которому ни в коем случае нельзя верить, какие жуткие истории он бы ни рассказывал. Мальчик лишь промолчал и поспешил в первую же встреченную им церковь, чтобы вознести благодарственную молитву.

Капитану и команде вручили медали и провозгласили их героями. Мужчин приглашали в лучшие дома города, устраивали в их честь пиры и торжества. Соблазненные аппетитными ароматами и роскошными банкетами, которые снова и снова проводили специально для них, моряки пробовали есть. Но никому не удавалось проглотить больше одного кусочка. Еда была на вкус как камень и пепел. Один за другим моряки чахли и умирали, мечтая хоть о ложке мясной подливки, хоть о глотке вина.

Николай же сберёг свой красивый красный тулуп и мешок, в котором когда-то пытался носить команде еду, и теперь каждое утро его мешок оказывался набит сладостями и изысканными блюдами. Тогда юноша начал ходить по деревням и домам и устраивать пиры для голодных — даже в самые холодные времена, даже когда ветер страшно завывал, а снег толстым слоем укрывал землю.

Николай стал известен как святой покровитель моряков и людей, оказавшихся в безнадёжной ситуации, и ему традиционно выделяют отдельное место за столом в самую тёмную ночь года.

САНКТА-ЛИЗАВЕТА СРЕДИ РОЗ

Где-то на западе, в тени высокого холма Горубун, названного так за кривой хребет, приютилась деревня. С вершины горы можно было разглядеть е пятно океана, и временами ветер приносил с далёкого берега аромат морской соли.

Каждое утро на рассвете деревенские мудрецы отправляли на холм четверых дозорных, которые усаживались спиной к спине, смотря на восток, запад, север и юг, чтобы при случае предупредить жителей о надвигающейся беде. На закате им на смену приходила четвёрка следующих караульных, и те проводили на посту целую ночь: от восхода звёзд и до момента, когда темнота начинала по капле утекать с небосклона, уступая место утру.

Но деревня была крайне непримечательной, и даже украсть там было нечего, так что она не привлекала ни воров, ни мародёров. Год за годом дозорным, спускавшимся с холма, толком не о чем было докладывать — разве что о том, что наверху дует приятный

ветерок или что какая-нибудь овца случайно ушла далеко со своего пастбища.

Для работы на полях всегда требовались крепкие ребята, так что отсылать каждый день и каждую ночь четверых хороших работников казалось пустой тратой силы. Поэтому в период сбора урожая троим дозорным разрешили остаться в деревне и лишь одного отправили на кривую гору. После окончания жатвы ничего дурного так и не произошло, и мудрецы не столько приняли решение не посылать больше на холм прежнее число караульных, сколько просто забыли это сделать. Но один дозорный всё равно каждое утро поднимался по склону, а вечером приходил его сменщик. И если кто-то из них засыпал на посту или отвлекался на поцелуи с Мариной Тревич, дочкой каменщика, так кто же об этом узнает?

Лизавета жила на западной окраине города, вдали от тени холма Горубун. Каждый день девушка выходила на луг позади родного дома, чтобы позаботиться об ульях. Она не носила ни рукавиц, ни сетки. Пчёлы позволяли хозяйке собирать мёд, даже не пытаясь ужалить. На том же лугу, так щедро усыпанном дикими белыми розами, что облачка их бутонов выглядели словно растёкшийся над полем туман, Лизавета молилась и размышляла о великих деяниях Святых, поскольку уже тогда показала себя девушкой благочестивой и серьёзной. Именно там она и находилась, ощущая жаркое прикосновение солнца к своей склонённой голове, слушая ленивое гудение пчёл, когда вместо просоленного морского послевкусия ветерок принёс с запада запах гари.

Лизавета побежала домой, чтобы рассказать об этом отцу.

— Наверняка ничего особенного, — произнёс он. — В деревне на западе жгут мусор. Нам не о чем переживать.

Но девушка не могла побороть чувство тревоги, так что отец отправился вместе с ней в поместье одного за-

житочного и уважаемого горожанина, жившего по соседству.

— Твой отец прав, — успокоил Лизавету мужчина. — Скорее всего, ничего особенного не случилось. Может, крыша у кого-то загорелась. Нам не о чем беспокоиться.

Но и после этих слов девушка всё равно не могла усмирить свои тревожные мысли, и, дабы развеять её опасения, отец вместе с дочерью и торговцем пошёл на городскую площадь, где под сенью красного вяза сидели мудрецы. Каждый день они собирались там, чтобы отведать кваса, поесть свежего хлеба, принесённого жёнами, и обдумать величайшие тайны мироздания.

Когда Лизавета завела разговор о запахе дыма, стоящем над лугом, мудрецы сказали:

— Если бы что-то произошло, дозорный на вершине Горубуна сообщил бы. А теперь оставь нас, дай спокойно подумать о тайнах мироздания.

Все согласились с деревенскими мудрецами. Торговец вернулся в своё поместье, а отец увёл Лизавету домой. Но даже когда девушка присела среди ульев, чтобы вознести молитву, на неё не снизошёл покой. Так что Лизавета вновь двинулась через весь город к кривой горе и начала в одиночестве взбираться по узкой тропинке. На склонах Горубуна не пахло гарью, и пастбища выглядели зелёными и мирными. Девушка чувствовала себя крайне глупо, ноги её начали уставать, а на лбу выступил пот. Наверное, о таких бедах и правда полагается переживать лишь её отцу, торговцу и деревенским мудрецам.

Но Лизавета продолжала двигаться вперёд, промеж камней и гигантских валунов, с каждым шагом ощущая себя лишь глупее. Добравшись до вершины холма, она обнаружила мирно похрапывающего дозорного, надвинувшего на глаза кепку и вытянувшего на мягкой траве свои длинные ноги. Воздух был чистым и свежим, но стоило девушке

повернуться на запад, как перед ней открылось страшное зрелище: столпы дыма, будто колонны из тёмного камня, подпирали тяжёлое небо. Лизавета сразу поняла, что почувяла не просто горящий мусор или пожар на кухне. Это был запах сожжённых церквей и человеческих тел.

Так быстро, как только возможно, она, стараясь не упасть, побежала вниз по холму на городскую площадь.

— Армия! — прокричала Лизавета. — Надвигается армия! — и она рассказала о столпах огня на местах всех городов, что располагались между морем и их деревней. — Нам нужно собрать мечи и стрелы и выдвинуться к соседям на подмогу!

— Мы это обсудим, — ответили мудрецы. — Организуем оборону.

Но когда Лизавета ушла и мужчины могли уже больше не слушать мольбы перепуганной девчонки, военные замыслы перестали казаться им столь героическими. В последний раз, когда на улицах деревни шли бои, мудрецы были ещё детьми. Им не хотелось брать в руки клинки и щиты. И своих сыновей с оружием они видеть также не желали.

«Солдаты наверняка просто пройдут мимо, как и всегда», — сами себе сказали мудрецы и отправились ужинать и размышлять о тайнах мироздания.

С наступлением рассвета Лизавета вышла на луг, чтобы дожидаться отважных мужей из деревни, вооружённых мечами и щитами. Она ждала, а солнце поднималось всё выше, и пчёлы гудели вокруг. Она ждала, а розы увядали от жары — их белоснежные лепестки желтели по краям. Никто не пришёл. Пока, наконец, Лизавета не услышала гул шагов — но не со стороны деревни, а из тёмного леса. До девушки донеслась громогласная боевая песня, и земля содрогнулась под её ногами. Она поняла, что спасения не будет.

Но Лизавета не сбежала. Когда из леса появились воины — озлобленные, вымазанные кровью, сажей и потом, обезумевшие от убийств и грабежа, девушка опустилась на колени среди роз.

— Пощадите, — взмолилась она. — Пощадите моего отца, торговца, мудрецов, в ужасе попрятавшихся по домам. Пощадите меня.

Мужчин свели с ума военные успехи и жажда крови. Солдаты с рёвом неслись по поляне, и если они и слышали просьбы Лизаветы, то это не поколебало их решимости. Она была молодым деревцем, которое необходимо сломать и растоптать. Она была рекой, чьи воды должны расступиться. Она была ничем, никем, девчонкой на колених с молитвой на устах, исполненной ужаса и гнева. Из ульев, выставленных по периметру лужайки, донёсся низкий монотонный гул и поднялся в воздух вибрирующей песней. Пчёлы сбивались в плотные жужжащие облака, словно клубы дыма от подожжённой деревни, роились над солдатами, укрывали их полотном своих кишачих тел, и тогда мужчины начали кричать.

Солдаты повернули назад и кинулись прочь от девушки и её крошечной армии.

Если бы история на этом закончилась, Лизавету окрестили бы героиней, поставили бы в её честь памятник на городской площади, и мудрецы собирались бы каждый день у его подножия, чтобы не забывать о собственной трусости и учиться кротости.

Но ничего из этого не произошло. Конечно, весть о том, что на побережье высадились налётчики и двинулись вглубь материка, разнеслась быстро. Но никто за пределами деревни не знал, почему они неожиданно сменили курс и бежали обратно к морю. Ходили слухи и о фантастическом оружии, и о страшной чуме, и о проклятии ведьмы.

Новость о чудесным образом уцелевшем селении достигла и генерала, собиравшего великую армию, чтобы встретить налётчиков, если те вернуться вновь. Вместе с отрядом своих лучших воинов он отправился в деревню, где противник решил прекратить наступление. Генерал отыскал мудрецов, сидевших на городской площади, и спросил, как им удалось переломить ход битвы и заставить столь грозных противников обратиться в бегство. В ответ мужчины лишь переглянулись, опасаясь реакции военного на глупые истории про девушку и пчёл.

— Мы не сможем рассказать, — сказали мудрецы. — Но мы знаем торговца, который сможет.

Военные направились в поместье, где торговец ответил им:

— Сложно объяснить, но вот пасечник, что живёт вниз по дороге, обо всём знает.

Добравшись, наконец, до дома Лизаветы, генерал постучал в дверь, и её отец, завидев на пороге устрашающего вида солдат в доспехах и с каменными лицами, задрожал в страхе.

— Я не уверен в том, что произошло, — произнёс он. — Но моя дочь наверняка знает. Она сейчас на лугу, ухаживает за своими ульями.

Там военные и нашли Лизавету.

— Что заставило врага повернуть назад? — потребовал ответа генерал. — Почему он бежал из этой никчёмной деревни?

Лизавета сказала им правду:

— Одним лишь пчёлам известно.

Генерал был измотан и зол, он прошагал долгие мили не для того, чтобы над ним насмеялась какая-то девчонка. Терпение мужчины лопнуло. Солдаты связали запястья и щиколотки Лизаветы верёвками, которые закрепили узлами на уздах четырёх могучих коней.

Вновь генерал спросил девушку, как ей удалось остановить противника.

— Одним лишь пчёлам известно, — прошептала она. Ведь Лизавета и правда не знала, как ей это удалось, что за чудо свершилось.

Генерал подождал, будучи уверенным, что отец, торговец или мудрецы примчатся девушке на подмогу и раскроют ему секрет.

— Не трать время, — сказала она. — Никто не придёт.

Так что генерал сделал то, что делают все генералы: отдал приказ — и тело Лизаветы разорвали на части, а пчёлы всё так же лениво гудели в своих ульях. Говорят, её кровь пролилась на розы, что росли на поле, и бутоны их стали красными. Ещё поговаривают, что цветы, взошедшие на её могиле, никогда не увядали и круглый год источали сладкий аромат — даже под покровом снега. Но пчёлы давно покинули ульи, не желая иметь никакого дела с этими розами.

Если однажды вы отыщете этот луг, можете остановиться, глубоко вдохнуть аромат цветов, вознести молитву и позволить ветру унести её на запад к самому морю.

Розы всё помнят — даже если мудрецы хотят забыть.

Лизавета известна как святая покровительница садовников.

САНКТА-МАРАДИ

В одной прекрасной бухте на берегу Нового Зема на протяжении многих поколений рыбачили две семьи — и ровно столько же пререкались, кому же принадлежат права на эти воды. Аддис Эндеве и Неда Адаба редко обменивались хоть одним приличным словом. С годами флоты конкурентов росли, а с ними и доходы — и одновременно усугублялась вражда между семьями. Известно, что состоявшие у них на службе рыбаки нередко резали соперникам сети, проделывали в парусах дыры и специально подводили в море лодки поближе, чтобы моряки могли хорошенько покалечить друг друга.

Но однажды, как это часто случается, в базарный день сын Аддиса Эндеве Дули отправился с друзьями на рынок купить юрды, в то же время дочери Неда Адабы Байе захотелось сладких апельсинов. Там, среди прилавков с фруктами и криков рыботорговцев, Дули и Байя мгновенно влюбились. Возможно, если бы их семьи не ненавидели друг друга, это осталось бы лишь мимолет-

ным увлечением и ничем более. А возможно, они влюбились бы в любом случае. Может быть, некоторые люди созданы друг для друга, и им везёт сразу осознать это при встрече.

Статный Дули и прекрасная Байя начали тайком видаться во владениях Санкты-Маради, жившей на побережье. Когда люди оставляли пожилой женщине дары, небеса прояснялись, а потерянные корабли чудесным образом находили дорогу обратно в гавань. Она позволяла влюблённым встречаться на небольшом причале, где они вместе чинили сети, любовались звёздами и вынашивали план побега. Дули и Байя договорились угнать по лодке и встретиться за пределами бухты, где соперничество их родителей уже не будет иметь никакого значения.

После наступления ночи Дули выбрался из дома, взял небольшое судёнышко и отправился в плавание под облачными, беззвёздными небесами. Но отец Байи поймал девушку при попытке к бегству и в гневе в щепки разбил все свои лодки, лишь бы дочь не вышла замуж за сына его врага.

Байю это не могло удержать. Несмотря на темноту, она прыгнула в морскую воду и, борясь с течением, стала с трудом продираться сквозь волны и звать Дули.

Имена влюблённых эхом прокатывались по бухте, когда они искали друг друга, но море было холодным, а облака грузно висели на небосклоне, не пропуская лунный свет. Со своего одинокого причала Санкта-Маради слышала, как они зовут друг друга в темноте — снова и снова. Женщина пожалела влюблённых, просто мечтавших построить новый мир вдвоём на месте старого, где они жили порознь. Мановения руки Маради было достаточно, чтобы облака расступились и вышла луна, залившая мир серебряным сиянием.

Дули и Байя отыскиали друг друга среди мерцающих волн. Юноша втащил возлюбленную в лодку, и они отплы-

ли в безопасные земли, как можно дальше от своих семей. На новых берегах пара начала жизнь с чистого листа и взяла себе другую фамилию — Маради. Отсюда и берёт начало земенская традиция выбирать себе фамилии.

Каждый год чета Маради выкладывала до самой воды дорожку из белоснежных камней, круглых, словно луна, где они возносили благодарственные молитвы за жизнь, которую смогли построить вместе.

Санкта-Маради известна как святая покровительница запретной любви.

САНКТ-ДЕМЬЯН ИЗ РАЙМА

На ледяной восточной окраине Фьерды располагалось кладбище, где скромные могилы, помеченные лишь деревянными колышками, соседствовали с изысканными, высеченными из мрамора мавзолеями, роскошными домами для мёртвых.

Вокруг кладбища высился лес, и поначалу народ не обращал на деревья никакого внимания, наслаждаясь прохладой тени. Но скоро стволы берёз стали такими толстыми, что никто больше не мог пробраться сквозь густые заросли, чтобы поухаживать за могилами своих родственников или почтить память предков.

Тогда жители деревни направились к Демьяну, знатному господину, в чьём владении находилась земля, где вырос лес, и попросили его что-нибудь предпринять. Мужчина приказал слугам топорами прорубить дорогу к кладбищу, чтобы любой мог спокойно пройти сквозь чащобу.

Но когда начались дожди, поредевшие деревья уже не могли остановить наводнение, и потоки воды прямо по дороге устремились к кладбищу, выворачивая таблички и надгробия, сталкивая крышки с гробниц.

Жители вновь обратились к аристократу с жалобами. На этот раз Демьян спроектировал и приказал возвести на подходе к кладбищу акведук, чтобы дожди не тревожили могилы, а отводимую воду можно было использовать для орошения полей. Но постройка отбрасывала на кладбище тень, почти все растения и цветы погибли, а люди, приходившие навестить покойных сродников, дрожали от холода.

Опять люди высказали Демьяну своё недовольство. Но теперь он не знал, как поступить. По просеке мужчина дошёл до кладбища, кинул взгляд на высокий акведук и прикоснулся руками к земле. Демьян не мог отыскать ни одного решения, которое устроило бы жителей деревни, — разве что Святые решили бы вознести кладбище к самому солнцу.

Вдруг земля начала дрожать и подниматься всё выше и выше: равнина обратилась горою. Когда грохот затих, кладбище оказалось на самой вершине, где его не могли побеспокоить потопаы или потеснить деревья.

Люди поднялись вслед за Демьяном и увидели, что ни одна могила не была потревожена, всё осталось на своих местах. Лишь единственная усыпальница дала трещину — семейный склеп самого аристократа.

Возможно, их поразили увиденные чудеса. А может, они никогда не бывали довольны. Как бы то ни было, люди, которым Демьян так старался помочь, начали заламывать руки. Они утверждали, что мужчина оскорбил своих предков. Кричали, что он проклял деревню при помощи тёмной магии. Кто-то подобрал с разбитой гробницы кусок мрамора и бросил его в Демьяна.

Озверев от исполнения всех своих пожеланий, люди последовали примеру зачинщика и закидывали мужчину камнями до тех пор, пока его изуродованное тело не оказалось погребено под развалинами семейной гробницы.

Говорят, что самая высокая вершина хребта Эльбьен и есть та самая гора, где умер Демьян. Он известен как святой покровитель новопреставленных.

САНКТА-МАРИЯ ИЗ ГОРЫ

Летом одна община сулийцев нередко отправлялась на юг, к границам Равки. Там они работали до наступления холодов, после чего собирали вещи и через Сикурзой доезжали до тёплых шуханских земель. В каких-то городах народ гнал кочевников прочь, запрещая разбивать лагерь. В других враждебно настроенные жители могли ночью ворваться на их становище с факелами и псами.

Но были и места, где сулийцев встречали как дорогих гостей. Там уважали знания кочевников, их угощали вином и хлебом и позволяли скоту свободно пастись на лугах. Там ценили развлечения, сулийцам разрешали ставить шатры и устраивать представления под восторженные аплодисменты жителей. А где требовались сильные руки — для работы грязной, опасной, за которую никто не хотел или не решался взяться, — этому народу тоже всегда были рады.

Скачки в Карьеве обычно длились до поздней осени, так что сулийцы частень-

ко задерживались там на весь сезон. Но однажды зима нагрянула раньше обычного — гоночные дорожки закрыли, и кочевники остались не только без дел, но и без публики для своих представлений. Один местный предложил мужчинам подработать на своём медном руднике, и, хотя это была рискованная затея и сулийцы отлично знали, как много людей сгинуло в тёмных туннелях прииска, они согласились.

Но вечером накануне дня, когда мужчины должны были отправиться в шахту, одна из истинных сулийских провидиц взглянула на кофейную гущу в своей чаше и предостерегла их от спуска. Она славилась ясностью видений, так что все восприняли её слова крайне серьёзно.

— Что же нам сделать, чтобы защитить себя? — спросили мужчины.

Старая женщина надвинула на лицо маску сулийских провидцев в виде шакалей морды и надолго застыла, пока остальные тихо беседовали у огня. Когда луна скрылась за горизонтом, а костёр прогорел до пепла, она подняла узловатую руку и указала на маленькую девочку:

— С вами должна пойти Мария.

Эта идея не понравилась никому: ни родителям, ни уж тем более самой Марии, которая до сих пор боялась темноты. Но на следующий день, когда сулийцы выдвинулись в шахты, девочка собрала всю свою смелость, взяла тряпичную куколку и взобралась на отцовские плечи. Вместе они спустились в рудник: каменные стены тесно сомкнулись вокруг них, воздух сочился влагой, а медь в земле пахла словно пролитая кровь.

Утром ничего не произошло, как и в обед, а там уже и день подошёл к концу. Мужчины выдохнули с облегчением и двинулись на выход — навстречу солнцу и миру живого.

Именно тогда начала дрожать земля. Свод туннеля перед ними обрушился, и груда камней закрыла дневной

свет. Но как только потолок над головами сулийцев тоже начал обваливаться, Мария, всё ещё сжимая тряпичную куколку, подняла свои маленькие ручки. И свод выдержал.

Каменные стены шахты затряслись, как промываемая порода в старательском лотке. Наконец скала задрожала и раздвинулась, приоткрывая для работников путь. Сулийцы отправились сквозь гору вслед за Марией, сидящей на плечах у отца, и камень отодвигался, чтобы дать им пройти.

Мужчины выбрались на свет с другого конца туннеля, и с тех пор здесь, у подножия Сикурзоя, сулийцы всегда могут укрыться в пещерах, которые оставила после себя Мария.

Она известна как святая покровительница путников, оказавшихся вдали от дома.

САНКТ-ЭМЕРЕНС

Деревня Гирехт на юге Керчии издавна славилась прекрасным вкусом и чистотой местного зерна, а также пивом высочайшего качества, которое варили из выращенного там ячменя и хмеля. Каждый год, как только начинали желтеть листья, горожане выставляли на главной площади длинные столы, вывешивали на деревьях фонарики и принимали гостей со всей Керчии, чтобы те наполнили свои животы гирехтским пивом, а сундуки казны — звонкой монетой.

На следующий день жители города обычно шли в церковь, чтобы поблагодарить Гезена и Святых. Но однажды народ слишком хорошо повеселился на празднике, и на утро после гуляний все остались лежать в постели с головной болью вместо того, чтобы пойти на молитву. Все, кроме одного ребёнка — мальчика по имени Эмеренс.

Он был набожным с самого рождения. Мальчик никогда не плакал в дни Святых — только если горожане опаздывали на церковную службу. Тогда-то Эмеренс начинал

рыдать и завывать: его пронзительные вопли разносились над крышами домов и просачивались в каждое окно, и успокаивался мальчик, лишь только когда его родители и соседи отправлялись в храм. На утро после того весёлого праздника Эмеренс стуком в дверь постарался поднять каждого жителя Гирехта, но никто ему не ответил.

Кто может сказать, было ли то, что случилось после, просто невезением или волей providения? Так или иначе, в следующем году поля Гирехта поразила болезнь, из-за чего зерно пошло пятнами и испортилось.

Жителям деревни удалось отсеять чистого ячменя — достаточно, чтобы заполнить четыре силосные башни; такого количества хватило бы на два года празднований. Они повесили фонарики на главной площади и выставили длинные столы. Но на следующее утро обнаружилось, что западное хранилище опустело на четверть. Осмотр показал, что зерно высыпалось сквозь дыры в стенах башни. Тогда один фермер залез на крышу хранилища, открыл люк и закричал в ужасе: постройка кишела крысами, куда ни глянь — было видно лишь мельтешение их мохнатых телец и розовых хвостов, пока твари пожирали запасы.

На следующий день выяснилось, что восточная силосная башня тоже заполнена вредителями, и горожане поняли, что южную и северную постигнет та же участь.

— Что же нам делать? — плакал народ. — Если отравим крыс, то отравим и зерно, а значит, не получится сварить пива на праздник.

Юный Эмеренс знал ответ:

— Опустите меня в восточное хранилище, и я прогоню крыс.

Горожане посчитали эту затею отвратительной, но, поскольку от них самих не требовалось нырять к грызунам, они решили попробовать. Талию Эмеренса

обвязали верёвкой и опустили его в хранилище, будто ведро в колодец.

И действительно, стоило мальчику погрузиться в зерно, как крысы почуяли его святость и стали прогрызать себе дорогу наружу, лишь бы сбежать от такой благодати. Потребовалось много часов, в течение которых Эмеренса поднимали и вновь опускали в башню, но вскоре все грызуны ушли и зерно очистилось.

Жители Гирехта объявили мальчика спасителем деревни, усадили себе на плечи и понесли по городской площади, скандируя его славное имя.

На утро, когда должны были начаться гуляния, горожане увидели, что, как и ожидалось, крысы пробрались и в южное зернохранилище. Туда опустили Эмеренса, и вредители стали убегать.

Процесс затянулся, наступил вечер, и до мужчин, следивших за верёвкой, с городской площади донеслись звуки музыки, топот танцующих людей и ароматы сиропов, сладких тортов и сосисок, которые, как они знали, совсем недалеко высокой стопкой выкладывали на блюда. «Наверняка, — подумали работники, — мы сможем сейчас сбежать до площади, потанцевать и немного выпить и вернёмся прежде, чем потребуется поднимать мальчишку».

В следующий раз, когда Эмеренс опустился в силосную башню, мужчины бросились на площадь. Но после первого глотка пива они не удержались и от второго. Один танец превратился в два, а потом и в три, скрипки играли всё громче, и вскоре работники совсем забыли, что этой ночью у них были и другие дела, помимо развлечений.

Оставшись в темноте хранилища, Эмеренс тщетно дергал за верёвку, надеясь, что его вытащат наверх. Там мальчик и умер: на горе зерна, и рот его, глаза и нос были пол-

ны ячменя. На следующий день горожане спокойно спали в своих постелях, хотя давно уже прозвонили колокола, созывавшие их на утреннюю службу. Лишь ближе к обеду они доковыляли до кухни, открыли ставни, выпустили в комнату солнечный свет и задались вопросом, почему Эмеренс не пришел призывать их на молитву.

Мальчика похоронили в ячменном поле, но после его смерти пиво и хлеб из гирехтского зерна навсегда приобрели привкус страдания, и каждый попробовавший их мучается от изжоги и меланхолических мыслей.

Гирехт и его горькие поля давно уже позабыты, но Эмеренса, святого покровителя пивоваров, чествуют каждый год в конце лета с началом жатвы.

САНКТ-ВЛАДИМИР БЕЗРАССУДНЫЙ

Возможно, вам повезло однажды побывать на причале славного города Ос Керво и восхититься известным маяком и защищающей его гигантской волноотбойной стеной. Ни одного, ни второго не существовало бы без усилий храброго юноши по имени Владимир.

Когда-то бухта Ос Керво была местом, где непокорное море жестоко терзало берег и выбрасывало корабли на сушу, словно какие-то коряги. Долгие годы поселившиеся там люди пытались сделать из гавани действующий порт. Но все их усилия по строительству причалов и защитных сооружений шли прахом, сталкиваясь с противодействием неистовой воды.

Казалось, что это безнадёжный случай, и, когда объявили, что король приведёт к их берегам свою флотилию, народ не знал, что и делать. Получить признание правителя значило разбогатеть, ведь его внимание могло навсегда улучшить благосостояние жителей города. Но если король не сможет

высадиться на берег, окажется, что всё напрасно, и какая-нибудь другая, более спокойная гавань получит покровительство правителя.

Владимир был юношей без особых талантов. Он не был достаточно сильным, чтобы заниматься строительством, трудиться на ферме или выполнять тяжёлую работу; не был он и особенно умным или интересным, не умел петь и не был приятен глазу. Владимир отлично это всё осознавал, и осознание это вызывало в нём лишь робость и стеснение, что, казалось, ещё сильнее раздражало окружающих. Те называли юношу дураком и гнали от дверей, так что Владимир понял, что именно среди людей ему особенно одиноко. Куда счастливее он себя ощущал, когда подходил к кромке воды и перешёптывался с волнами.

И все же Владимир внимательно прислушивался к беседам, что велись вокруг. Он заметил, как соседи беспокоятся и ссорятся по поводу прибытия королевского флота, и подумал, что, возможно, знает решение. Но стоило юноше открыть рот, как его слова будто смывало прибоем, и Владимиру лишь оставалось терпеть непонимающие взгляды горожан и их раздражённые вздохи. Проще было сделать всё одному.

Юноша зашёл в воду по колено, по бёдра, по грудь... Поначалу народ насмехался и кричал, но потом все увидели, что вода отступает вместе с Владимиром, отлив следует за ним всё дальше и дальше от суши. Волны тянулись за юношей, и океан отходил от берега, подобно женщине, подбирающей юбки. Горожане, находившиеся в бухте, поняли, какую невероятную возможность им предоставил Владимир, и взялись за молотки и стамески.

Тридцать дней и тридцать ночей юноша стоял в воде и удерживал море, нашёптывая свои молитвы: солнце поднималось и садилось, крабы кусали его за пальцы, а тем

временем была воздвигнута великая волноотбойная стена и заложено основание маяка.

Наконец бригадир подал Владимиру знак, что работа завершена и он может передохнуть. Но юноша слишком устал, чтобы дойти до берега. Он опустил руки, молитвы стихли, и дикое море ринулось вперёд.

Тело Владимира прибило к берегу с приливом, и жители Ос Керво унесли его и уложили на дроги, убранные лилиями. Ещё тридцать дней и тридцать ночей они приходили проститься с юношей, и, ко всеобщему удивлению, покойника не трогала гниль. На тридцать первый день тело Владимира обратилось в пену, оставив после себя лишь небольшую горстку морской соли среди лилий.

Он известен как святой покровитель утопленников и маловероятных свершений.

САНКТ-ГРИГОРИЙ ИЗ ЛЕСА

Сына одного знатного господина поразила болезнь, неизвестная ни мудрым товарищам его отца, ни верным советникам.

— Следует пустить ему кровь, — заявил местный лекарь, долгие годы служивший при дворе аристократа. — Только это может помочь.

Так что юноше надрезали вены и поставили пиявок, но он так и не смог подняться с постели и продолжал бледнеть и слабеть.

— Следует его согреть, — сказал мэр, каждую неделю ужинавший в гостях у знатного господина. — При таких хворях надо хорошенько пропотеть.

Так что юношу укутали в толстые одеяла и днём и ночью поддерживали в камине жаркий огонь. Больной действительно пропотел сквозь все слои покрывал, но слабость его так и не прошла.

— Следует оставить его в темноте — пусть отлежится, как корешок, — посоветовал аристократу зажиточный сосед, чьи овощи

всегда брали призы на выставках. — Долгий сон его восстановит.

Тогда окна закрыли плотными чёрными шторами, а голову юноши обмотали ватой, чтобы заглушить все звуки. Когда через три дня спальню открыли, больной и правда выглядел белым и безжизненным, как репа, но лучше ему не стало.

Наконец жена знатного господина взяла дело в свои руки и послала за Григорием — целителем и учителем, жившим в горах неподалёку. Разведчикам аристократа потребовалось много дней, чтобы отыскать пещеру отшельника, но, когда им это всё же удалось, тот согласился отправиться за ними в поместье.

Вид дома расстроил Григория. Мужчина распахнул окна и впустил в комнату свежий воздух, загасил огонь и бросил пиявок в угли камина. А что он сделал потом, никто не знает, но всего через несколько дней юноша приподнялся в постели и сообщил, что голоден. На следующее утро он встал и прогулялся с матушкой по саду. А спустя ещё день попросил подать ему коня и отправился кататься.

Знатный господин осыпал Григория похвалами и затеял в его честь великий пир. Но целитель, мэр и богатый сосед не были особо довольны подобным исходом. Долгие годы они пользовались расположением аристократа и не желали видеть, как тот благоволит на новому советнику.

Товарищи начали нащёптывать знатному господину истории про странные происшествия в горах. Они рассказывали, что Григорий играет с чёрной магией и что именно так отшельник и исцелил юношу. Заговорщики даже привели свидетеля, который будто бы видел, как Григорий говорит со зверями и заставляет мертвецов плясать себе на потеху. И хотя сын и жена аристократа молили его

о пощаде, мужчина не мог оставить без внимания столь страшные обвинения и приказал отвести целителя в лес и бросить ночью на съедение животным.

После заката лесные звери зашлись воем — Григорий перепугался и начал молить Святых о помощи и наставлении. Опустившись на колени, он увидел у себя под ногами груды костей других несчастных, отправленных сюда умирать. Из этих костей Григорий смастерил лиру и, когда звери подобралась ближе, стал наигрывать пронзительную трагичную мелодию, которая, сорвавшись с кончиков его пальцев, вознеслась к самым ветвям деревьев, где застыла в воздухе, как туман. Волки прекратили капать слюной от голода и склонили головы на сложенные лапы. Змеи довольно зашипели и улеглись неподвижно, будто пригревшись на камне. Медведи свернулись в клубок и смотрели сны о временах, когда были медвежатами и знали в своей жизни лишь вкус маминого молока, журчание реки и аромат полевых цветов.

На утро солдаты вернулись в лес и обнаружили Григория живым и здоровым, на что сын аристократа сказал им:

— Вот видите! Это, верно, значит, что он святой.

Но лекарь, мэр и богатый сосед заявили, что это лишь очередное доказательство того, что отшельник владеет чёрной магией, и если отпустить его, то знатного господина и всю семью наверняка постигнет проклятие.

Григория вновь отвели в лес, но на этот раз со связанными руками. С наступлением ночи звери принялись выть, но мужчина не смог поднять свою лиру, и животные, ещё вчера мирно спавшие у его ног, разорвали Григория на части.

Он известен как святой покровитель целителей и музыкантов.

САНКТ-ВАЛЕНТИН

Всего за несколько дней до свадьбы молодую невесту поразил недуг, и, хотя она отважно сражалась с болезнью, а родные окружили девушку любовью и заботой и возносили молитвы за её здоровье, несчастная скончалась. Это произошло в самые скверные дни зимы: земля промёрзла и не поддавалась лопатам и ледорубам, так что приличную могилу выкопать не удалось. Семья девушки была слишком бедной и не могла позволить себе склеп. Поэтому тело обернули в шелка, из которых собирались сшить подвенечное платье, и оставили на каменной плите в деревенском ледохранилище. В сложенных на груди руках девушка сжимала букет из листвы и зимних ягод. Родственники навещали покойницу каждый день, а юноша, который должен был стать её мужем, до самой ночи рыдал над телом.

С первой оттепелью в священной земле погоста вырыли могилу и похоронили там девушку, установив простое надгробие.

Но на следующее утро мать, пришедшая навестить дочь, увидела на камне свернувшуюся змею — её чешуйки отливали на солнце чёрным. Женщина застыла на месте, дрожа от испуга и судорожно сжимая в руках свежесрезанные цветы, — так страшно ей было подойти хоть на шаг — пока наконец она не поддалась чувствам и не вернулась домой с мокрым от слёз лицом.

Всю весну скорбящая мать ходила на кладбище с букетом. Завидев женщину, змея приподнимала плоскую голову и порой сползала по надгробию на аккуратный могильный холмик. Но никогда она не покидала кладбища, и больше никто не осмеливался прийти почтить память девушки: ни мать, ни отец, ни несчастный юноша, когда-то любивший её.

Тогда женщина отправилась в церковь помолиться Санкт-Валентину, святому покровителю одиноких людей и заклинателей змей, и той ночью Святой ей ответил.

— Иди на могилу, — сказал он, — и приляг на землю рядом со змеёй, тогда всё тебе откроется.

Женщина затряслась в ужасе.

— Я не могу! — возразила она. — Мне слишком страшно! Но голос Санкт-Валентина не дрогнул:

— Ты можешь выбрать веру или выбрать страх. Но лишь одно принесёт тебе то, чего ты так желаешь.

На следующий день женщина отправилась на кладбище и, завидев змею на свежей зелёной траве, пробившейся на могиле дочери, не развернулась, а, всё ещё дрожа, заставила себя прилечь на влажную землю. Рептилия приподняла голову, и её блестящие глаза за сверкали словно бусины траурного ожерелья. Женщина была уверена, что змея собирается напасть, и приготовилась уже ощутить боль укуса и присоединиться к дочери на том свете.

Но вместо этого рептилия заговорила, пробуя воздух на вкус своим тонким языком.

— Мама, — произнесла змея, — это я, дух твоей потерянной дочери, вернулась поведать о своей беде. Я умерла не своей смертью от болезни, а от яда, который под видом лекарства мне давал мужчина, клявшийся мне в любви, пока не услышал, что я больше не люблю его и не желаю становиться его женой. В ледохранилище он смеялся над моим телом, а сейчас боится посещать мою могилу, так как знает, что Святые не позволят убийце читать лживые молитвы на священной земле.

Змея нежно обвилась вокруг запястья женщины, пока та рыдала. После чего мать сказала дочери, что любит её, и отправилась обратно в город, чтобы разыскать юношу, который утверждал, будто тоже любил покойную.

— Ты пойдёшь со мной на кладбище, — потребовала она, — и почтишь память моей дочери, что должна была стать твоей невестой, девушки, которую ты поклялся любить.

Мужчина воспротивился: разве он не навещал её бесчисленное множество раз в холоде ледохранилища? И разве не завелась среди надгробных камней змея?

— Какой честный человек боится змей? — ответила мать. — И какой мужчина объясняется в любви, а потом не приходит помолиться на священной земле?

Горожане согласились и только подивились, почему юноша так сопротивляется. Наконец он поддался уговорам и последовал за женщиной на кладбище. Когда шаги его замедлились, она схватила юношу за руку и потащила по дороге. Сквозь ворота кладбища они прошли к могиле девушки, где уже ждала свернувшаяся змея.

— Давай же, — велела женщина, — вставай на колени и молись.

Но стоило мужчине открыть рот, как змея резко распрямилась, выпрыгнула и укусила его прямо в язык. Юноша умер с почерневшим языком — знаком убийцы и был похоронен на неосвящённой земле, и никто его не оплакивал.

С тех пор змею больше не видели, но рядом с могилой молодой невесты выросла айва, и в тёплую погоду влюблённые часто назначают свидания под её ветвями.

По традиции матери невест возносят молитвы Санкт-Валентину, а увидеть змею в день свадьбы считается хорошей приметой.

САНКТ-ПЁТР

Вместо того чтобы в день своего Святого пойти на церковную службу, один мальчик из деревни Брэвно решил ускользнуть из дома, прихватив бутылку отцовского сидра, и прилежь прикорнуть в загоне для кур. Пока ребёнок спал, демон забрался в его открытый рот и пролез прямо в глотку, так что после пробуждения это уже был совсем другой мальчик. Он укусил мать за щёку и поджёг деревенскую школу. Начал скрежетать зубами и на клочки порвал все молитвословы в церкви. Когда мальчик наконец уснул в своей постели, его родители послали за священником, чтобы тот прочитал над телом ребёнка молитвы и изгнал демона.

Тварь, вылезшая изо рта одержимого, была склизкой и серой, словно слизняк, и как бы оно ни корчилось и ни завывало, в какой-то момент существо всё же отцепилось от внутренностей мальчика. Однако священник не перекрыл заранее все ходы из дома, и демон сбежал через открытое окно.

Всем известно, что этих существ привлекает вода, поэтому тварь поселилась в озере неподалёку. Стоило кому-то приблизиться к берегу, чтобы порыбачить или попить, как появлялся демон. В попытке заманить жертву он скрывал свой истинный облик. Порой он принимал вид сирены с нежной кожей и влажными губами, поющей юношам песни о любви. Порой это была потерянная мать, тихонько мурлыкающая колыбельную, или старый друг, горланящий добрую застольную песню. Демон всегда умел отыскать правильную мелодию, чтобы заманить добычу поближе, и как только охотник или фермер, вдова или ребёнок прикасались пальцами к воде, тварь хватала несчастного за запястье и утаскивала к гладким камням на дне озера. Там она продолжала свою песню, пока холод не просачивался в кости жертвы, а вода не наполняла лёгкие очередного пропадающего человека. Лишь тогда демон отпускал тело и позволял ему выплыть на берег.

Жители деревни знали, что уничтожить существо возможно лишь огнём. Мужчины Брёвно набили колчаны горящими стрелами, но чудовище оказалось слишком хитрым и не выходило из озера. А стоило охотникам подобраться к берегу достаточно близко, чтобы прицелиться, как демон заводил свою песню и заманивал мужчин под воду.

Священник, позволивший твари ускользнуть из своих рук, давно уже бежал из города с позором. Но юноша, пришедший ему на замену, был не таким. Пётр обладал силой Святых и не боялся подходить к озеру. Он приказал охотникам собрать стрелы, окунуть их в дёготь и быть наготове.

Пётр стал спускаться к воде, громко исполняя Сикурианские псалмы. Оказавшись в нескольких шагах от озера, молодой священник увидел впереди своего брата, напевавшего старую неприличную матросскую песню, которой их в детстве научил отец, — мальчишками они хохотали над

ней часами. Но, разумеется, его брату не было и двадцати лет, когда он погиб под колёсами конной повозки. Петра было не провести. Он начал читать псалмы всё громче, выкрикивал их, чтобы заглушить голос твари.

Священник встал на камень и склонился над поверхностью озера на виду у демона, чтобы тот ощутил соблазн вылезти и утащить мужчину. Но Пётр продолжал читать псалмы, а демон всё пел, пока юноша не сделал вид, будто он очарован, будто его что-то манит. Священник протянул руку, точно хотел коснуться воды. Но только его пальцы должны были окунуться в озеро, как Пётр отпрянул назад, и демон завизжал от досады.

Священник повторял свой манёвр снова и снова, каждый раз отодвигаясь немного дальше, пока наконец демон не высунул из воды свою скользкую голову и не вылез на камни. Тварь протянула лапы, страстно желая схватить Петра.

И тут выстрелили охотники.

Демон попытался бежать, но Пётр крепко держал его за запястье. Дождь из огненных стрел пролился на них обоих.

И хотя плащ священника загорелся, а грудь снова и снова пронзало выстрелами, он не ослабил хватки. Юноша погиб в тот день, но демон сгинул вместе с ним. Озеро наконец было очищено, и горожане опять могли без страха ступать на его берега, хотя вода с тех пор казалась холоднее, чем прежде.

Санкт-Пётр известен как святой покровитель лучников.

САНКТА-ЙЕРИН ИЗ МЕЛЬНИЦЫ

В столице Шухана Амрат Ене дворцы знатных семей тянутся вдоль городских бульваров, и нет ни в одном другом городе мира домов величественнее и прекраснее. Каждую весну местные аристократы распахивают ворота для своих богачей-соседей, убирают садовые дорожки гирляндами из пионов и цветов абрикоса и соревнуются, у кого подадут самый вкусный и изысканно украшенный заварной торт.

Давным-давно один знатный господин пригласил гостей со всей страны к себе на праздник. Планировался особенный банкет, где столы ломились бы от сладких пирожных, обжаренных в масле. Но когда аристократ зашёл в амбар, он увидел, что полки почти пусты и остался лишь один мешок муки, которого едва хватило бы на тесто для дюжины гостей.

Господин выругался и послал за мельником. Но тот лишь напомнил, что год назад аристократ отдал всю муку своим бога-

тым друзьям в попытке впечатлить их. И хотя пшеницы было достаточно, смолоть из неё муку до начала праздника не представлялось возможным.

Разъярённый господин всё отрицал и обвинил мельника в воровстве. Дочь работника Йерин взмолилась о пощаде для отца и пообещала, что на следующий день, если Святые смилятся, амбар будет полон муки мельчайшего помола. Аристократ согласился отложить казнь, но запер Йерин в мельнице и выставил у дверей солдат, поскольку подозревал, что девчонка такая же лживая, как и её отец.

На рассвете следующего дня знатный господин вернулся вместе с нарядными друзьями. Если он не может закатить для них пир, то хотя бы развлечёт повешением. Но, открыв двери, аристократ увидел, что амбар до самого потолка забит мешками с мукой, а на полу дремлет до крайности утомлённая Йерин.

Мужчина пнул её сапогом:

— Откуда ты взяла всю эту муку? Сама ты не могла столько смолоть за ночь.

— Святые дали мне на это сил, — ответила девушка.

— Наверняка мука очень грубая и ни на что не годна, — заявил он. Но каждый мешок был полон мельчайшей, белейшей муки на свете.

Можно было бы подумать, что знатный господин обрадуется, однако он был уверен, что Йерин с отцом каким-то образом сумели украсть эту муку и теперь выставляют его дураком. А поскольку солдаты сообщили, что девушка ночью не покидала мельницы, мужчина заключил, что она выкопала туннель. Он послал за лопатами, кирками и бочонком вина и принялся взрывать землю вместе с гостями, будто это всего лишь весёлая игра. Раскопанный ими проход получился таким глубоким и длинным, что в ка-

кой-то момент гул их голосов и звук ударов киркой уже никто не слышал.

Мельник распахнул двери амбара и предложил своим друзьям и друзьям Йерин взять себе сколько угодно муки. После чего слуги исчезнувших господ уселись пировать за роскошный накрытый стол и много раз за вечер поднимали тосты за девушку.

Йерин считают святой покровительницей гостеприимства.

САНКТ-ФЕЛИКС СРЕДИ ВЕТВЕЙ

На заре существования Равки, когда она представляла собой не столько нацию, сколько погрязшую в распрях клику из знати и солдат, объединившихся под знаменем короля Яромира, в страну пришла страшная зима. Дело не в том, что она была холоднее прежних, — главное, что после неё не наступила весна. Облака не рассеялись, ветви деревьев не прогрелись в лучах солнца и не зазеленели. Оттепель не растопила снег. За городом пастбища оставались голыми и промёрзшими.

Несмотря на это, в долине Тула под тяжёлым серым небом удивительным образом зацвели яблони. За деревьями ухаживал старик по имени Феликс — говорят, он был монахом-воином и однажды сражался за короля Яромира в облике сокола. Народ, живший в долине, божился, будто каждую ночь у яблоневого сада людям являются видения. Кто-то рассказывал про алое солнце, парящее над деревьями, другие — про изгородь

из полыхающих шипов, а третьи — про чёрную лошадь с огненной гривой, выбивающую копытами из земли искры, что порождают потоки синего пламени.

По утрам все они спорили об увиденном, всё больше приукрашивая каждую новую историю. Наверняка жители деревни знали лишь одно: яблоневый сад не берёт мороз. На деревьях набухали новые бутоны, цветы — сперва белые, словно звёзды, а потом розовевшие и красневшие — опадали, и ветви усыпало твёрдыми зелёными завязями плодов.

Холод упрямо не отступал с остальных земель Равки, а долина Тула всё так же процветала, пока наконец народ, пострадавший от отсутствия урожая, не начал завидовать изобилию, в котором жили местные. Недовольные с факелами и мечами заявили к Феликсу, чтобы обвинить старика в колдовстве, несмотря на его славу святого человека.

Жители долины хорошо питались в эти холодные месяцы. Их тела были крепки, дети здоровы, скот откормлен. И, увидев свет факелов, они вполне могли сплотиться и встать на защиту Феликса. Но вместо этого жители долины забились по домам, их чувство признательности поникло перед лицом страха, как бутон поникает на морозе. Местные испугались, что разъярённая толпа набросится и на них, и не желали потерять всё, что имели, даже если это означало забыть человека, который всё это им дал. Так что они позволили чужакам предать Феликса костру.

Толпа пронзила старика стройным шипастым стволом молодой яблони и подвесила над горячими углями, будто баранью тушу, требуя, чтобы тот признался, что практикует чёрную магию.

Феликс ответил, что магия тут ни при чём — всё дело в природе. Он не признался ни в одном преступлении

и лишь попросил проворачивать его на вертеле, чтобы прожариться равномернее. Кости Феликса раскидали по земле, а без его ухода яблоневый сад замёрз и пришёл в упадок. С тех самых пор на той почве растёт лишь терновник, и ветви его сплошь усыпаны плодами, которые никогда не созревают. Долина Тула пережила такой же голод, что и их соседи, и хлебнула равную долю страданий.

Каждую весну Санкт-Феликса прославляют, накрывая стол тарелками с айвой и яблоками. Он известен как святой покровитель растениеводства.

САНКТ-ЛУКИН ЛОГИЧНЫЙ

Один принц страстно желал стать королём. Среди его советников был мудрец по имени Лукин, у которого всегда было припасено толковое наставление. И не одно. Кто-то считал, что Лукин слишком много болтает, кто-то сравнивал его с щебечущей птицей, имелись и те, кто незаметно затыкал уши ватой, едва слышал, как мудрец прочищает горло, готовясь заговорить.

Чистая правда, что речи Лукина были столь долгими, что за время, пока он добирался до вывода, у юнцов отрастали борода, а пшеница успевала созреть для жатвы, — зато вывод этот почти всегда был неопровержим. Он предсказал, сколько у вражеского правителя заготовлено солдат и когда они нападут, предвидел засушливый год и мудро указал принцу на необходимость сделать запасы воды, и посоветовал своему господину вложиться в экспедиции торговцев, откуда те вернулись с сундуками драгоценных камней и золота.

Однажды армия соседнего государства грозилась напасть на страну принца, и тот отправил на переговоры Лукина. Когда мудрецу пришло время высказать свою позицию, он начал вещать — и вещал, и вещал, и один его аргумент вёл к другому, а затем к следующему, образовывая бесконечный поток слов. Вскоре генерал начал клеветать носом, а за ним и полковники, и сержанты, и так продолжалось, пока вся армия сперва не уснула, а потом и не умерла со скуки.

Господин наградил Лукина за бескровную победу и продолжил внимательно прислушиваться к его советам. А через некоторое время случилось то, о чём так мечтал принц и что предсказывал мудрец: принц стал королём.

С поддержкой Лукина новый правитель успешно расширял территории и своё влияние. Но жизни без печалей не бывает. Первая жена короля сбежала ночью со свинопасом, оставив после себя лишь записку, что лучше уж она будет следить за скотом, если для того, чтобы носить корону, требуется постоянно слушать Лукина. Вторая жена присоединилась к труппе бродячих циркачей. А третья отравилась испорченной устрицей, хотя никто не знал наверняка, действительно ли это был несчастный случай. Каждая из них родила королю по сыну.

С годами правитель начал переживать, что, если после его смерти сыновья решат бороться за трон, в государстве наступит хаос. Старый король понимал: он должен выбрать наследника и, как и всегда, обратился к Лукину за советом.

Многие часы мудрец разглагольствовал, взвешивая различные условия и возможные исходы, после чего сделал то, чего не делал почти никогда, — он замолчал.

А король сделал то, чего ему прежде никогда не приходилось делать, — он попросил Лукина продолжать.

Тогда мудрец признался, что король вырастил трёх круглых дураков: один корыстнее и неосмотрительнее друго-

го. Никто из них не был пригоден для трона, и все они принесли стране лишь несчастья.

— Что ж, — ответил Лукину его господин, — если ты не можешь предсказать, кто станет лучшим королём, может, решишь, кто будет не самым худшим?

После долгих обсуждений, за которые луна успела взойти, сесть и взойти вновь, мудрец объявил, что средний сын, вероятно — при надлежащих обстоятельствах, с поправками на его темперамент и при достойном благоразумном советнике, — станет наименее ужасным правителем.

Тогда король созвал придворных и перед всеми слугами огласил, что после его смерти трон перейдёт второму сыну — но лишь при одном условии. Тот должен поклясться оставить Лукина, самого давнего и мудрого советника, чтобы он наставлял нового правителя до конца своих дней. Средний сын произнёс клятву перед всем двором и через несколько лет, когда его отец скончался, был коронован с подобающей церемонией.

Его первым указом в качестве правителя было казнить Лукина. Как бы слугам старого короля ни хотелось наконец передохнуть от болтовни советника, все они слышали клятву среднего сына. Данное слово запрещалось нарушать.

— Ах, — ответил молодой король, — я всего лишь пообещал держать Лукина своим советником до конца его дней. А этот конец просто наступит раньше, чем ожидалось.

Придворные согласились, что это не противоречит формулировке клятвы, а некоторые даже восхитились остротой ума молодого короля. Возможно, не так уж ему и нужен советник.

Лукина отправили на плаху, где он опустился на колени с молитвой на устах, поскольку даже в последние секунды перед смертью не собирался замолкать. Палач занёс топор и одним точным взмахом отрубил мудрецу голову. С глухим стуком она упала на землю и откатилась в сторону, и, хотя

собравшиеся придворные понимали, что неправильно радоваться смерти Лукина, они не могли не вздохнуть от облегчения, когда наступила непривычная, благостная тишина, которую не нарушали ни мрачные пророчества о грядущих катастрофах, ни пояснения, как правильно готовить оленину, ни рассуждения о страшном землетрясении в Ванделоре.

За окном щебетала птица. Где-то в замке рассмеялась женщина. Юный король улыбнулся.

Затем тишину нарушил голос.

Голова Лукина лежала в пыли, но глаза его были открыты, а губы вновь начали шевелиться. Остаться без головы — удивительный опыт, и он навёл мудреца на множество интересных идей, которыми тому не терпелось поделиться.

Среднего сына поставили перед выбором: сдержать клятву или отказаться от короны. Голову Лукина поместили на золотое блюдо, откуда он раздавал советы новому королю весь период его правления — долгого, справедливого и мучительного.

Санкт-Лукин — святой покровитель политиков.

САНКТА-МАГДА

Равка пережила немало тяжёлых времён, и вот в один страшный год стране постиг неурожай, скот пал и люди начали умирать от голода. Тогда, как нередко случается в такие мрачные дни, одну женщину заклеямили ведьмой и обвинили в том, что это она навлекла горе на свою деревню.

Её звали Магда, и многие годы она жила на окраине селения, предлагала местным лекарства и снадобья, принимала роды и выкармливала малышей кашами и укрепляющими напитками, когда у голодающих матерей не приходило молоко.

Женщина никогда не бывала замужем и не имела семьи, что могла бы её защитить. Кроме того, дом знахарки занимал очень лакомый участок земли, который давно манил некоторых из самых влиятельных местных правителей. Так что Магда совсем не удивилась, когда именно на неё указала костлявым пальцем жена одного знатного господина и обвинила знахарку, что та будто бы в сговоре с демо-

нами ради того, чтобы навлечь беды на головы честных и достойных горожан.

Магда не стала дожидаться, когда запахнет горящими факелами. Прежде чем разъярённая толпа выбила дверь её дома, женщина бежала в леса, где всегда собирала травы и лекарственные растения для своих снадобий и которые знала лучше любого охотника.

Власти деревни гордились, что избавили селение от ведьмы, и людям спокойнее спалось в постелях с мыслью, что всем невзгодам пришёл конец. Но весной не пролились дожди, ранней осенью наступили морозы, выжившим коровам и овцам негде было пастись, и все они заболели и повымирали. Младенцы — некоторым из них Магда помогла появиться на свет — вопили от голода в колыбельках, и матери душили своих собственных детей, лишь бы прекратить их мучения.

В селении царило беспокойство, народ дичал. С приходом новой ужасной зимы люди начали сомневаться: вдруг Магда была не единственной ведьмой среди них? Тогда в магических сделках с потусторонними существами — холодной женщиной, обитающей на дне реки, и мужчиной из теней, что прячется за дверями, — обвинили двух сестёр.

Девушкам было слишком страшно сбегать в лес, так что они укрылись у себя дома. «Отец обязательно нас защитит, — шептали они, дрожа от ужаса на своих узких койках. — И братья тоже».

Но вместо этого братья украли у сестёр обувь, а отец забрал плащи, чтобы девушки не могли сбежать из дому.

Встав на колени, несчастные начали молиться Святым о помощи, и, к их удивлению, у окна появилось видение: это была Магда, хоть и выглядела моложе, чем когда оставила город.

— Пойдёмте, — произнесла женщина, — пойдёмте со мной и живите как свободные женщины.

— Но ведь зима, — воспротивилась старшая сестра. — Ты хочешь, чтобы мы сбежали босыми, в одних только ночных сорочках в лес, где нас ждёт лишь верная смерть от холода? Ты водишь дружбу с демонами, а никакая не святая женщина. Отправляйся обратно на дно реки, ведьма!

Но младшая сестра понимала, что спасение порой требует жертв. Она догадалась, что Магда — посланница Святых. Девушка умоляла старшую сестру бежать вместе, но, получив твёрдый отказ, одна выбралась на улицу через окно и отправилась в ночи следом за видением.

Земля в лесу была влажной и твёрдой, ветви и камни резали босые ноги беглянки. Ветер прорывался сквозь её ночную сорочку, и девушка разрыдалась от таких мучений.

Наконец, Магда обратилась к ней:

— Ты рыдаешь, и ноги твои в крови. Твоя кожа посинела от холода. Хочешь повернуть назад?

Девушка покачала головой:

— Я умру в лесу, в окружении деревьев, как свободная женщина. Лучше так, чем на костре.

Стоило младшей сестре произнести эти слова, как она воспарила и помчалась вперёд, не касаясь ногами земли. Не успела девушка и три раза моргнуть, как уже сидела в избушке у очага, укутанная в меховое покрывало, а перед ней стояла кастрюлька супа. Кругом были женщины: подбрасывали угля в печь, сушили травы, ухаживали за садом в свете луны — за садом, которому не полагалось цвести так поздно осенью.

Девушка знала, что оказалась в спасительном месте. Она вознесла благодарственную молитву и поела супа.

А что касается старшей сестры, то на следующее утро разъярённая толпа заявила в её дом, где ни отец, ни братья не удосужились запереть двери. Девушка поведала им про ведьму, что появилась у окна и забрала с собой младшую. Несчастливая пыталась убедить всех в своей

чистоте и добродетельности, но всё равно её привязали к столбу и предали огню.

Отец и братья девушки отправились в леса, в надежде выследить Магду и похищенную сестру. Но когда наступила ночь, они почуяли ароматы пекущегося хлеба, жарящегося над огнём мяса и инжира, томлённого в вине. Запахи сводили их с ума, заманивали всё глубже в чащобу, и с тех пор о мужчинах никто не слышал. Та же судьба постигла многих охотников в тех лесах.

Жители деревни продолжали умирать с голоду, скольких девушек они бы ни убивали. Но несчастных, обратившихся с молитвой к знахарке, часто поднимало в воздух и относило в самое сердце леса, за что Магда прославилась как святая покровительница брошенных женщин и пекарей.

САНКТ-ЭГМОНД

С самого детства у Эгмонда был талант к рисованию и строительству. Когда в деревне начала крениться колокольня, мальчик отыскал способ укрепить её фундамент. На следующее утро недалеко от здания выросло огромное ясеневое дерево, и с тех самых пор про Эгмонда стали говорить, что ему благоволят Святые — хотя те, кто поклоняется Джелю, частенько выдают ясень и дарование Эгмонда за свою заслугу.

Юноша умел ковать металл, неподвластный ржавчине, изготавливал гвозди, что никогда не гнулись, вырезал из камня фантастические формы: изящные колонны, каким-то образом выдерживающие массивные балки, совершенно гладкие сферы, уравновешенные так искусно, что они будто парили в воздухе, и волшебных существ, которые выглядели совсем как настоящие — казалось, они вот-вот зарычат или упорхнут прочь. Богачи и аристократы приглашали Эгмонда строить для

них дома, но в результате никогда не получали того, что заказывали.

Один господин приказал возвести трёхэтажный зимний дворец, как минимум на двенадцать футов выше соседского, и чтобы в нём было в два раза больше комнат. Эгмонд отстроил стокомнатный дом в форме спрута, сокрушающего корабль толстыми щупальцами.

Вместо зернохранилища архитектор возвёл башню из каменных ветвей, усыпанных невероятными драгоценными камнями.

А вместо нормального прямоугольного здания школы — сферу из стекла и камня, с окном для каждого ученика, через которое окружающий пейзаж выглядел чуждым, будто далёкая страна.

Со временем один из разочарованных клиентов Эгмонда решил, что с него хватит. Когда заказанная богачом огромная летняя резиденция оказалась целым садом домиков, выполненных в виде выдолбленных деревьев, скрытых за недвижимой стеной тумана, он обвинил архитектора в мошенничестве. Эгмонда бросили в темницу королевской крепости высоко в горах над Джерхольмом.

Подземная тюрьма являлась не самым худшим местом для жизни в этом замке. Камеры были холодными и сырыми, но зато защищёнными от ветра, что свободно просачивался сквозь трещины в стенах комнат на верхних этажах.

В то время как на берегах Фьерды бушевал безжалостный шторм, принцы и принцессы, короли и королевые теснились вокруг очагов, огонь в которых невозможно было поддерживать. Стихия никогда не брала передышки: ветры завывали, словно звери, не знающие усталости. Смотровая башня замка обрушилась. Вода хлынула пото-

ками сквозь обветшалую крышу, затапливая палаты, так что однажды королева, проснувшись, увидела, что её корона уплывает куда-то по коридору.

Правители пригласили в крепость инженеров и архитекторов, но все они повторяли лишь одно: «Это место проклято. Покиньте высокие горы и переносите столицу».

В ночь Рингкеллы, когда все комнаты должны были быть полны пьющих и танцующих людей, замок оказался практически пуст. Все придворные, которые могли бежать, бежали в надежде отыскать пристанище в городе у подножия гор. Все гости с прискорбием отклонили приглашение. Ветер врывался с моря, завывая, как младенец, которого оторвали от груди матери, и стены замка раскачивало из стороны в сторону.

— Неужели никто не может нас спасти? — кричал король.

— Неужели никто не поможет нам? — плакала королева.

Внизу, в темнице, Эгмонд опустил одну руку в лужицу дождевой воды, а другую — на стену замка, где сквозь щели в камнях проклюнулся тончайший усик древесного корня. Тут раздался страшный шум, и на секунду показалось, что здание сейчас разнесёт на куски. Финальный громогласный рёв эхом отозвался в ночи, и огромный ясень вознёсся к потолку посреди замка.

Наступила тишина. Настоящая тишина. Ветер прекратился. Дождь больше не лился с потолка. Корни ясени скрепили плиты пола, просочившись сквозь трещины в камне, и подперли стены. Белая кора дерева сияла, словно свежеевыпавший снег.

Один стражник заметил, что Эгмонд делал в темнице, и приказал отвести узника к королевской чете.

— Ты тот мальчишка, что спас наш замок? — спросил король.

— Да, — ответил Эгмонд. — Если позволите, я построю вам другой дворец, что простоит целую вечность и никогда не будет разрушен.

— Построишь — и будешь вознаграждён, — постановил король. — Не сдержишь слово — и будешь казнён как вор и мошенник.

Эгмонд воздвиг дворец, подобных которому ещё не бывало на свете. Каменный змей стоял на страже его высоких башен, моста, отлитого из стекла, крепостного рва, заполненного парящим морозом, серебряной часовой башни и священного ясеня в самом центре. С тех пор ни одна армия не сумела прорваться сквозь стены Ледового Двора.

Санкт-Эгмонд — святой покровитель архитекторов.

САНКТ-ИЛЬЯ В ЦЕПЯХ

На окраине деревни, промышлявшей сельским хозяйством, жил талантливый целитель и изобретатель. И хотя Илья был затворником и больше всего любил проводить время в мастерской, ни с кем не общаясь, на него всегда можно было положиться, если требовалось какое-то снадобье или помощь на пашне. В деревне его встречали только когда мужчина приходил обменять лекарства или шкуры пойманных им зверей на еду. В этих редких случаях он обычно лихорадочно что-то строчил в кожаной записной книжке.

Однажды его спросили: «Илья, что за великие чудеса ты воображаешь на этих страницах?» Но затворник лишь нахмурился и продолжил идти по дороге, желая поскорее вернуться к своим экспериментам. Что он старался сотворить в своей мастерской, никто не знал, и многие подозревали, что Илья уже давно перешёл черту между целеустремлённостью и безумием.

И вот в один день до лекаря, глубоко погрузившегося в книги и зелья, с полей позади его дома донёлся крик. Мужчина бросился на страшный звук и увидел фермера и его жену, которые были от горя над телом своего маленького сына. Ребёнка практически разрубило надвое лезвием плуга, и пропитанная кровью земля образовала вокруг тела алый ореол. Глаза малыша посерели и остекленели, дыхание покинуло грудь. Оправиться от такой раны было невозможно.

Но Илья опустился на колени, склонил голову и возложил руки на то, чему полагалось быть уже трупом. К изумлению всех присутствующих, рана будто бы затянулась. Через пару секунд глаза мальчика прояснились. Он моргнул. Грудь стала подниматься и опускаться: сперва толчками, судорожно хватая воздух, а потом вошла в ритм. Мальчик присел, рассмеялся и попросил маму и папу обнять его.

Но родители не подошли. Они видели его рану. Наблюдали, как жизнь покинула тело малыша. Кем бы ни было существо, которое сейчас улыбалось им и приглашало обняться, — это уже не их сын.

Жители деревни, примчавшиеся на крики матери, в исступлении смотрели на ребёнка, что не должен был дышать, и мужчину, что каким-то образом наполнил воздухом его лёгкие. Это противоестественно — творить жизнь из смерти. Они спрашивали себя: где был Илья, когда страдали их родные и близкие, жёны и дети? Куда подевался этот великий целитель, когда младенец Яны родился синюшным и холодным? Или когда огненная оспа за пару лет уничтожила половину деревни? Почему он не появился, когда баба Лера угасала у них на глазах, слабея с каждым днём и умоляя смерть прийти поскорее, пока не превратилась в пучок хрупких веточек, перебирающих чётки?

Народ схватил Илью и заковал в тяжёлые цепи, на шее мужчины защёлкнули ошейник, на запястья и щиколотки навесили кандалы. Лекаря потащили на мост, под которым речная вода пенилась на острых камнях, и переброшили через ограду. Сказывают, что труп Ильи выплыл на берег на юге, многими милями ниже, в идеальном состоянии, и три месяца неусыпным стражем над ним стоял белоснежный олень.

Ребёнок, которого лекарь вытащил с того света, скитался по деревне в поисках родителей, умоляя кого-нибудь впустить его для ночлега. Но все двери были закрыты, и мальчику только и оставалось, что уйти в лес, откуда до сих пор раздаётся его плач.

Санкт-Илья — святой покровитель невероятных исцелений.

САНКТА-УРСУЛА ИЗ ВОЛН

На северных окраинах Фьерды юная принцесса по имени Урсула пришла к почитанию Святых и начала каждый день возносить им молитвы. Те же, кто опускался на колени перед алтарём Джелю из ясеня, считали веру девушки недопустимой и требовали отказаться от неё.

Но Урсула не повиновалась. Семья решила, что такое упрямство — верный признак одержимости демоном, и оттащила принцессу к берегу, дабы наверняка изгнать нечистую силу, захватившую душу девушки. Там, на мелководе, в окружении горожан, что бормотали молитвы Джелю, родители удерживали Урсулу под водой и секли поверхность моря ветвями ясеня. Но сколько бы девушку ни окунали в волны, сколько бы ни держали под водой, принцесса не захлёбывалась и даже не билась, пытаясь вдохнуть воздух.

Фьерданцы восприняли это как доказательство, что в принцессе поселилась нечестивая сила. Они заявили, что Урсула боль-

ше не обычная девушка, а явно наполовину рыба, и, значит, её нужно вскрыть и посмотреть, человек ли она.

На берег принесли кинжал и вручили его священнику Джела, но прежде чем вынуть клинок из ножен, мужчина попросил принцессу отречься от веры и преклониться перед Источником. Урсула отказалась.

Приготовившись рассечь девушку пополам и доказать всем, что она больше не человек, а чудовищная чешуйчатая тварь, жрец поднёс клинок к ложбинке на шее принцессы, как вдруг со смотровой башни донёсся крик. Собравшиеся на берегу подняли взгляд на море и увидели, что на город надвигается волна — столь широкая и высокая, что она закрывала солнце. Народ повернулся и побежал прочь, но спастись никому не удалось.

Гигантская волна накрыла город. Равно как клинок жреца хотел разрезать Урсулу надвое, море отрезало побережье от северных земель Фьерды, создав тем самым острова, известные как Кенст Хьерте — разбитое сердце. Принцесса, которая, позабыв страх, не отреклась от своей веры, выжила и до самой старости обитала в пещере на одном из островов, питаясь лишь мидиями и устрицами, которых собирала на берегу после отлива, и солёной водой.

В скале на острове высекли часовню, и с тех пор жёны моряков ходят туда помолиться Урсуле — святой покровительнице пропавших в море. В качестве подношения женщины оставляют хлеб в форме рыбок и загадывают желание о скорейшем возвращении возлюбленных. А потом некоторые находят у себя в карманах рыбы кости и жемчуг, но никто не знает наверняка, хороший это знак или дурной.

САНКТ-МАТТЕУС

Один город у границы Вечного Мороза запугал страшный зверь. Детей утаскивали прямо на глазах у матерей, а мужчин убивали в полях.

Кто-то утверждал, что это медведь, кто-то — что стая волков. Другие говорили, что это тигр сбежал из зверинца одной знатной женщины. Старейшины города объявили награду за убийство твари, и местные охотники ринулись в лес, но, несмотря на все усилия, никто так и не смог вернуться со шкурой, а многие и вовсе сгинули.

Тогда жители в письме попросили о помощи короля, на что тот послал своего лучшего охотника — великана по имени Даг Ивар. Ивар и его люди прибыли в числе длинной процессии из повозок, гружённых мечами и арбалетами. Охотники, разодетые в тёплые плащи из шерсти и бархата и в меха убитых ими зверей, поселились в лучшем доме города. Они поклялись, что изловят зверя и отправят его шкуру королю до конца зимы.

Но их первая вылазка в леса не принесла плодов, как и вторая с третьей. Расставленные ловушки оставались нетронутыми. Мужчины могли напасть на след, но он будто бы исчезал, и потом оказывалось, что охотники часами ходят кругами.

Ивар лишь хохотал. Зверь хочет неприятностей? Будут ему неприятности! Охотники стали рядиться женщинами, поскольку знали, что животное нападает на одиноких странниц. Они пытались приманить чудовище свежими телами последних жертв. Даже красили стволы деревьев свиной кровью.

Прошло несколько дней, но зверя убить так и не удалось. За это время животное растерзало маленькую девочку, что отправилась в курятник собирать яйца: куски её ручек и ножек остались лежать во влажном облаке окровавленных птичьих перьев. Ещё три школьника пропали по дороге домой: в одну секунду они были тут — в следующую уже исчезли, оставив после себя лишь отзвуки криков.

Вскоре горожане принялись насмехаться над великим охотником. По утрам они выстраивались у его жилища, вырядившись в дешёвые подобия его роскошных мехов и бархатного плаща, и завывали.

Устав от оскорблений, Даг Ивар написал королю прошение о возвращении домой. Все в этом городе были безбожниками, не достойными внимания правителя, — наверняка зверь, открывший на них охоту, послан им в наказание за нечестивые поступки. Но ответного письма охотник не получил. Вместо этого со следующей почтовой повозкой в город прибыл святой человек — монах Маттеус.

— Я пойду поговорю с волками, — сказал он Дагу Ивару и отправился в лес.

Охотник от души посмеялся и пообещал похоронить монаха с почестями — если от того что-то останет-

ся. Но Маттеус не боялся. Он знал, что Святые пойдут с ним.

Монах и часа не провёл в лесу, когда заметил серую фигуру, движущуюся среди деревьев. Волчица подбиралась всё ближе, ходила кругами, и её жёлтые глаза поблёскивали в сгущающейся темноте, словно потускневшие луны. Маттеус не отступил. Перед выходом он положил в сумку мяса и солёной рыбы и теперь предложил волчице поест у него с рук.

Неизвестно, что могло бы произойти, не обладай монах такой святостью. Но поскольку Маттеус был хорошим человеком, которого любили Святые, зверь, приблизившись, не сожрал его на месте. Волчица понюхала мясо, опасаясь, что оно отравлено, и наконец взяла кусочек с ладони монаха. Они немного посидели вместе, пока мужчина кормил животное и рассказывал о своём путешествии.

Через какое-то время он произнёс:

— Ты съела многих горожан, люди хотят поймать тебя и убить.

— Пускай попробуют, — ответила волчица.

— Боюсь, охотник может поджечь лес, лишь бы сохранить свою гордость.

— А что мне остаётся? — сказала волчица. — Моим детям тоже нужно есть.

Маттеусу нечего было ответить, так что он делал то, что в его силах.. Каждый день он отправлялся в лес с молитвой на устах и едой в руках и каждый день сидел с волчицей, а потом и её детёнышами.

Звери были сыты, так что убийства прекратились. Горожане вернулись к работе в поле, а дети снова стали играть у леса безо всякого страха.

Но теперь охотник на волков Даг Ивар не мог спокойно пройти по улице, чтобы народ не начал над ним поте-

шаться. Разгневанный и возмущённый, он устал терпеть постоянные насмешки и глумление и отправился на центральную площадь, чтобы разоблачить Маттеуса. Охотник заявил, что святой человек состоит в стоворе со зверьём и что когда-то именно он и приманил их в деревню.

Добрые жители подожгли полу изящного бархатного плаща Дага Ивара и погнали его по дороге прочь из города. Маттеус продолжил ходить к щенкам, пока те не выросли в волков. Звери приходили на его зов, укладывались в ногах и стучали хвостами, пока монах рассказывал им истории. Их детёныши выросли такими же смирными и принялись сторожить дома и двери того же селения, на которое когда-то наводила ужас их бабка.

Они стали первыми собаками, и поэтому Санкт-Маттеус — святой покровитель всех, кто любит животных и ухаживает за ними.

САНКТ-ДИМИТРИЙ

Димитрий был сыном короля, но всегда мечтал родиться кем-то другим. С первых дней своей жизни он хотел одного: осмыслять труды Святых и изучать Писание, а не искусство управления государством.

Когда юноше пришло время взойти на престол и выбрать невесту, он умолял родителей отпустить его и заявил, что не хочет ни жениться, ни править страной. Димитрий мечтал посвятить жизнь вере и молитве.

У короля не было иных наследников, так что вместе с супругой они перепробовали все методы убеждения — и мягкие, и жестокие — в надежде достучаться до сына. Однако на все доводы и нападки Димитрий отвечал всё тем же спокойным отказом. Он не желает выбирать невесту. Не станет носить корону. У него будет та жизнь, которую он себе выбрал, и никакой другой.

Отчаявшись, король и королева приказали заточить сына в башне и поклялись, что Димитрию не принесут еды, пока тот

не согласится жениться и стать принцем, как полагается в королевской семье. Каждый день мать стучалась в дверь башни, и Димитрий всё так же отвечал ей, что не спустится. Она предлагала ему сласти и деликатесы, блюда, которые он любил в детстве, мясо, жаренное в пряностях, привезённых из далёких стран, но юноша твердил, что ему не нужно никакой пищи, кроме его веры.

Так продолжалось больше года. Король с королевой были уверены, что слуги тайком проносят их сыну еду, и поэтому велели запечатать дверь, а под окнами башни выставили стражу. Никто не приходил и не уходил, но Димитрий так и не показывался.

Наконец королева потребовала открыть башню, чтобы увидеть сына. Когда стражники отворили дверь, за столом Димитрия их ждал скелет. Он радостно помахал королеве и пригласил помолиться вместе с ним. Мать с воплями убежала из башни, а следом за ней и король со слугами.

Санкт-Димитрий, святой покровитель учёных, возможно, до сих пор молится там.

САНКТ-ГЕРАСИМ НЕПОНЯТЫЙ

В юном возрасте монах Герасим принял обет молчания и держал его больше пятидесяти лет, не произнося ни слова. На семидесятом году жизни он попрощался с братьями-монахами и оставил обитель, где прожил всю жизнь. Монах отправился в паломничество через Истиноморе и повидал множество чудных мест и удивительных вещей.

По его возвращении герцог, владевший землёй, где стоял монастырь, приказал Герасиму явиться в замок и поведать всему двору о своих странствиях и чудесах, что ему довелось лицезреть. Но Герасим не нарушил обета.

Герцог с женой были крайне недовольны и послали за аббатом. Он умолял Герасима заговорить, ведь иначе обитель может попасть в немилость хозяина земли и монахи потеряют дом. Настоятель пообещал, что Святые простят старика за нарушение обета молчания.

Но Герасим не говорил с пятнадцати лет. Он появился в монастыре задолго до аббата и давно позабыл, как использовать язык, но и не желал, чтобы его братья остались без дома. Жестами старик попросил подать ему краски и кисти и нарисовал на стене главного зала дворца фреску, протянувшуюся от пола до потолка, от стены до стены. Там были степи и порты Нового Зема, людные гавани Керчии, туманы и скалистые берега Блуждающего острова.

Там были существа всех форм и размеров, сады, где росли диковинные фрукты, мужчины и женщины в роскошных одеждах, а в дальнем углу красовался изысканный дворец герцога. Герасим изобразил, как он стоит с настоятелем перед герцогом и герцогиней — аристократ и его красавица-жена были одеты в золото.

Говорят, что это Святые направляли руку монаха, ведь ни один человек не сумел бы создать столь совершенную фреску. Краски будто подсвечивались солнцем, а облака, казалось, бежали по нарисованному небу.

Но герцогу и герцогине было неважно, как их изобразили, и они приказали казнить Герасима. Старик умер, не проронив ни слова, — он даже не просил сохранить ему жизнь.

Монахам велели покинуть обитель, здание разрушили, а камни использовали для строительства нового крыла дворца герцога. Через десять лет, когда у аристократа проходил шикарный пир, началось землетрясение. Разрушение не затронуло ни старый дворец, ни новое крыло, там не осыпался ни один камешек — рухнула только стена с фреской Герасима. Под ней и погиб герцог, его супруга и все гости, погребённые под чудесами, изображенными старым монахом.

Герасим с тех пор стал известен как святой покровитель художников.

САНКТА-АЛИНА ИЗ КАНЬОНА

Графиня потеряла мужа в одной из многих равкианских войн. Он был старшим офицером, ему полагалось оставаться далеко от поля боя, но однажды, осмелев от выпивки, мужчина отправился кататься на своём огромном белоснежном скакуне вдоль линии фронта, провоцируя противника, нарываясь на драку. Вместо этого он получил пулю в голову. Коня отыскиали за много миль от поля битвы пасущимся у тихого ручейка. Графа, давно уже мёртвого, нашли там же: его тело свисало с седла, одной ногой застряв в стремяни.

Вдова похоронила мужа и, как было модно в определённых кругах, решила сделать из своей летней резиденции приют для детей, осиротевших в годы войны. Дом был выкрашен в нежнейший абрикосовый оттенок, а карнизы и оконные рамы покрыли сусальным золотом. Из розового сада открывался вид на широкие просторы озера и другие нарядные дома, рассыпанные

по его берегам, а позади высились густые леса нижнего Петразоя.

Сироты, приехавшие в это волшебное место, были грязными и вшивыми, а дети из приграничных городов привезли с собой ещё и призраков: воспоминания о ночных налётах, горящих домах, неожиданно замолчавших и похолодевших отцах и матерях. Симпатичный домик у озера представлялся им сказочным убежищем, где полно хорошей еды и живёт красивая новая мама, которая вытирает им лица и одевает в новую одежду.

Правда, от малышей требовалось отрабатывать своё пребывание в приюте, но это было вполне ожидаемо. У графини не имелось слуг, так что детям приходилось самим скрести полы, топить очаг, ухаживать за садом, чинить одежду, готовить и накрывать на стол. Рассказывать про эту работу было запрещено.

Раз в неделю графиня наряжала нескольких своих любимчиков в абрикосовые бархатные костюмчики под цвет дома, и вместе они усаживались в элегантную лодку, пришвартованную к личному причалу. Компания доплывала до середины озера, где все жители искусно украшенных летних домов собирались попить шампанского и посплетничать. По приказу дети пели, а на вопросы отвечали рассказами, как чудесно им живётся и как их балуют. «Вам так повезло!» — повторяли друзья аристократки, и сироты, в отчаянной попытке угодить своей новой матери, соглашались.

А ночью ребята жались друг к другу в своих постелях в общей спальне и перешёптывались. *Осторожнее. Осторожнее. Не то Мама заберёт тебя в сад.* Потому что порой, когда ребёнок раздражал графиню, фальшиво пел или жаловался на голод, он мог исчезнуть среди ночи.

— Любящие родители пришли и забрали маленькую Аню! — однажды объявила графиня, когда девочка про-

пала из своей кровати. — Так, не заставляйте меня ждать и живо наполните ванну.

Клава не верила ни единому слову. Ночью, проснувшись от какого-то звука, она подошла к окну. Девочка увидела, как среди роз графиня с фонарём в руках ведёт Аню мимо садового лабиринта к воротам. Так происходило со всеми пропавшими сиротами.

Правда заключалась в том, что графиня осталась без денег. Ей не на что было содержать слуг и дом. И уж тем более ей не на что было кормить дюжину детей. Так что порой она продавала сироток торговцу шерстью, который возил в Кеттердам законные и незаконные товары. Аристократка не знала, куда потом девались дети, но это её и не беспокоило. Торговец шерстью казался добрым малым и хорошо платил.

Маленькая Клава об этом не догадывалась. Но она знала, что любящие родители не стали бы пробираться к ним тайком, словно воры, чтобы под покровом темноты забрать ребёнка. А если в абрикосовый дом никого не пускали, то как кто-то мог увидеть Аню или других малышей и решить забрать их в семью? Клава была уверена, что происходящее за оградой сада ничего хорошего не предвещало.

Лето тянулось, и солнце нещадно палило во дворе абрикосового дома. Розы темнели, и чем больше графиня потела в своих платьях, тем более вспыльчивой она становилась и всё реже брала сирот на озеро.

— Вы такие скучные, — говорила она. — Почему моим друзьям должно хотеться вас видеть?

Но однажды утром в приют привезли трёх новых малышей: двух братьев и сестру с серебристыми светлыми волосами и глазами зелёными, как листва.

— Как вы похожи! — воскликнула графиня, обрадовавшись впервые за много недель. — Как куколки. Надо сшить вам новую одежду и вывезти на озеро.

Клава заметила, как женщина окинула ледяным взглядом других сирот — скучных, утомительных, которые только и делали, что разочаровывали её и ели её еду. Девочка поняла, что надо бежать.

Той ночью, когда в доме погасили свет и всё затихло, Клава поведала ребятам о своём намерении.

— Но куда ты пойдёшь? — спросили они. — Что будешь делать?

— Найду работу, — ответила Клава. — Буду жить в лесу и питаться ягодами, но не стану дожидаться, когда она заставит меня исчезнуть. Мне только и нужно добраться до дальней окраины леса. Там на старой ферме живёт вдова, которая знала моих родителей. Она мне поможет.

Клава позвала остальных детей с собой и предупредила красивых новеньких ребят, что однажды графиня устанет и от них. В итоге сироты решили бежать все вместе.

Мальши один за другим вылезли из окна, одетые в свои абрикосовые бархатные костюмчики и укутанные в одеяла. Они двинулись к озеру, сели в лодку и поплыли в сторону леса. Стоило сиротам оказаться среди деревьев, как до них донеслись сигналы тревоги и лай собак. Графиня обнаружила пропажу.

В сгущающейся ночи дети бежали всё глубже в лес, ветви деревьев цепляли их одежду, а шипы жалили кожу. Клава упорно двигалась вперёд, её сердце бешено колотилось, на глазах выступили слёзы: девочка была уверена, что, если их поймают, пощады не будет. Она боялась, ведь сама привела товарищей к гибели: кругом стояла непроглядная тьма, и Клава понимала, что они заблудились. Дети никогда не дойдут до конца леса. Никогда не найдут ферму и спасение.

Сквозь тяжёлое дыхание она начала молиться Санкте-Алине, непокорной девушке, которая, будучи сиротой, сумела уничтожить темноту Каньона и объединить Равку.

«Заклинательница Солнца, — шептала Клава, — дитя Керамзина, победительница монстров, спаси нас».

Ни звука не прозвучало в ответ, ни спокойных слов, указывающих верный путь, ни хора труб, что вели бы детей вперёд, зато сквозь деревья сироты увидели проблеск света: фиолетового и синего, красного, зелёного, золотого. Радуга во тьме.

Сквозь темноту Клава последовала за изгибом радуги и вышла к ферме, где сироты колотили в дверь, пока не разбудили старую вдову. Та была удивлена, но обрадовалась, увидев Клаву, и пригласила всех внутрь. Женщина спрятала беглецов в погребе и, когда графиня явилась к ней с собаками, сообщила, что ночью спокойно спала и никого не видела. Аристократка, конечно же, могла осмотреть дом, если пожелает.

Псы скулили, графиня ругалась, но сирот нигде не было. Женщине пришлось вернуться в свою опустевшую летнюю резиденцию, и теперь, когда за домом никто бесплатно не ухаживал, здание пришло в плачевное состояние и розовые кусты подобрались всё ближе к стенам, пока не поглотили приют целиком. Говорят, графиня оказалась заперта внутри и сама стала скорее колючим шипом, чем женщиной.

Некоторые сироты оставили ферму и отправились в странствия, дабы попытать счастья в других местах, однако Клава осталась помогать вдове работать в поле и каждую ночь возносила благодарственные молитвы Санкте-Алине, святой покровительнице сирот и людей с нераскрытыми дарованиями.

БЕЗЗВЁЗДНЫЙ СВЯТОЙ

В Новокрибирске, что у самой границы Тенистого Каньона, жил юноша. Звали его Юрий, и родители отослали его к дяде, чтобы мальчик хоть малость мог зарабатывать на жизнь, трудясь в сухом доке. По правде говоря, они были рады, что их чудной сын вообще нашёл работу. Юрий самостоятельно научился читать и выглядел по-настоящему счастливым лишь наедине с текстами, которые занимал у всех подряд — лишь бы человек согласился одолжить ему книгу. Родители не видели ничего дурного в том, что сын рассказывал мифы, легенды и истории прошлого, но знали: денег на жильё этим не заработаешь, и поэтому боялись, что Юрий угодит в монастырь и бросит отца с матерью на милость времени и старости.

Работа в Новокрибирске юноше не подходила. Он был высоким, но тощим, словно ивовый прут. Юрий плохо видел и всегда был очень неуклюжим. Силачи, работающие с ним в сухом доке, — строили и ремонтиро-

вали скифы, занимались погрузкой и разгрузкой, — смеялись над неловким юношей, над хрипами, что вырывались из его узкой груди, и запотевшими линзами очков.

Возможно, всё сложилось бы не так плохо, имейся у дяди Юрия хоть капля терпения и доброты, но он был хуже всех. Когда мальчик ронял ящик или не поспевал за другими работниками, мужчина наотмашь ударял его по затылку. Если дядю раздражало, что Юрий бормочет молитвы, тот подставлял ногу, и юноша валился наземь. Дома руки мужчины частенько сжимались в кулаки. Он смеялся, когда мальчик отправлялся по воскресеньям в церковь, и говорил, что Святым нет дела до человека, не способного заработать себе на жизнь.

Но юноша знал, что Святые всё видят. Каждый день он читал молитвы и клялся отдать жизнь служению Святым, если его избавят от дядиной жестокости и позволят посвятить всю жизнь учению. С утра до вечера, трудясь в доке, он нашёптывал про себя псалмы и молитвы, а в соборном храме Новокрибирска старался выучить церковно-равкианский язык. В тишине маленькой приходской библиотеки Юрий нередко забывался, читая древние истории о Святых, и задумчиво перелистывал страницы, пока за спиной дрожали тени.

Одним вечером юноша так глубоко погрузился в уютный мир книг, как не заметил, что наступила ночь и темнота сгустилась вокруг его ног. Он ринулся домой, но не успел накрыть стол к ужину, и в наказание дядя Юрия избил племянника до полусмерти.

С утра мальчик не поднялся с постели. Он с трудом открыл заплывшие глаза, а тело саднило так, будто его сшила неаккуратная мастерица и теперь на каждом шве тянуло стежки. Уходя в сухой док на работу, дядя поклялся, что если Юрий не явится, то вечером его ждёт ещё одно избие. Юноша понимал, что второго он не переживёт.

Юрий силком вытащил себя из комнаты, с трудом переоделся и поел каши, а затем поковылял по улице к городской площади. Мальчик знал, что следует продолжать двигаться, но стоило ему прислониться к фонтану в попытке набраться сил, как он услышал шёпот. *Не иди*

Юрий не знал, реален ли этот голос, и лишь понимал, что не может ступить и шага.

«Дядя найдёт меня здесь, — подумал юноша, — *тут я и умру*». Он знал: никто не вмешается. Все долгие месяцы, что Юрий прожил в Новокрибирске, люди всегда отворачивались, притворялись, что не видят его синяков, не слышат криков. «Старик безобиден, — говорили они. — Просто с некоторыми мальчишками нужно больше строгости, чем с другими».

Юрий взглянул на улицу, что вела к сухому доку, за ней стеной бурлящих теней возвышался Каньон. Ему нужно было идти, но опять прозвучал голос. *Не иди* .

Тогда тени начали двигаться. Каньон шелохнулся и вспучился, будто набирая в грудь воздуха, и вдруг помчался прямо на Юрия стеной тьмы. Он проглотил док и окружающие здания, затопил дома Новокрибирска. Отовсюду доносились вопли, но Юрий не испугался.

Поток теней коснулся носков ботинок юноши, но там и остановился. Юрий слышал плач людей, запертых внутри Каньона, ужасающие крики агонии, когда их разрывали волькры. Он задумался, слышит ли среди них своего дядю. Тогда мальчик упал на колени и поблагодарил тьму.

В тот день половина Новокрибирска была уничтожена, когда Дарклинг расширил границы Каньона. Многие проклинали человека, осмелившегося на такую жестокость, и ликовали, когда тот умер. Но есть и те, кто до сих пор ему служит — Беззвёздному, святому покровителю тех, кто ищет спасения в темноте.

СВЯТАЯ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА КНИГИ

Я не помню свою собственную историю. Может, я спала на сеновале, а может — на перине.

Может, ела с серебряного блюда или таскала обеды с кухни.

Может, носила летние шёлковые платья и драгоценные камни в волосах.

Или, может, ходила босиком и руками разгребала землю в поисках кореньев, золота, убежища. Я не помню. Слишком много за всё время случилось историй, слишком много чудес и мученических подвигов, слишком много пролито крови, слишком много чернил. Была война. Тысячи войн. Я знала убийцу. Знала героя. А может, они были одним человеком. Помню только, как провалилась в книги и больше не поднималась с их страниц, как не пребывала по-настоящему в сознании, пока не начала видеть сны про другие миры.

Я блуждаю, потерявшись среди полок. Мою руку сводит от пера. Я собираю пыль. Но кто-то же должен записывать слова, ставить их в нужном порядке. Я библиотека и библиотекарь, храню жизни, веду списки для верующих.

Сотри моё имя. *Нестираемым* что-то бывает только в историях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

САНКТА-МАРГАРЕТА	
Святая покровительница воров и потерянных детей	7
САНКТА-АНАСТАСИЯ	
Святая покровительница хворых	13
САНКТ-ХО и САНКТА-НЕЙЯР	
Святой покровитель благих намерений и святая покровительница кузнецов	17
САНКТ-ЮРИС от Меча	
Святой покровитель уставших в бою	21
САНКТА-ВАСИЛЬКА	
Святая покровительница одиноких дев	25
САНКТ-НИКОЛАЙ	
Святой покровитель моряков и людей, оказавшихся в безнадёжной ситуации	29
САНКТА-ЛИЗАВЕТА СРЕДИ РОЗ	
Святая покровительница садовников	37
САНКТА-МАРАДИ	
Святая покровительница запретной любви.	45
САНКТ-ДЕМЬЯН ИЗ РАЙМА	
Святой покровитель недавно усопших	49
САНКТА-МАРИЯ ИЗ ГОРЬ	
Святая покровительница путников, оказавшихся вдали от дома	53
САНКТ-ЭМЕРЕНС	
Святой покровитель пивоваров	57
САНКТ-ВЛАДИМИР БЕЗРАССУДНЫЙ	
Святой покровитель утопленников и маловероятных свершений	63

САНКТ-ГРИГОРИЙ ИЗ ЛЕСА	
Святой покровитель целителей и музыкантов . . .	67
САНКТ-ВАЛЕНТИН	
Святой покровитель одиноких людей	
и заклинателей змей	71
САНКТ-ПЁТР	
Святой покровитель лучников	77
САНКТА-ЙЕРИН ИЗ МЕЛЬНИЦЫ	
Святая покровительница гостеприимства	81
САНКТ-ФЕЛИКС СРЕДИ ВЕТВЕЙ	
Святой покровитель растениеводства	85
САНКТ-ЛУКИН ЛОГИЧНЫЙ	
Святой покровитель политиков	89
САНКТА-МАГДА	
Святая покровительница брошенных женщин	
и пекарей	95
САНКТ-ЭГМОНД	
Святой покровитель архитекторов	101
САНКТ-ИЛЬЯ В ЦЕПЯХ	
Святой покровитель невероятных исцелений . . .	107
САНКТА-УРСУЛА ИЗ ВОЛН	
Святая покровительница пропавших в море . . .	111
САНКТ-МАТТЕУС	
Святой покровитель всех, кто любит животных	
и ухаживает за ними	115
САНКТ-ДИМИТРИЙ	
Святой покровитель учёных	121
САНКТ-ГЕРАСИМ НЕПОНЯТЫЙ	
Святой покровитель художников	125
САНКТА-АЛИНА ИЗ КАНЬОНА	
Святая покровительница сирот и людей	
с нераскрытыми дарованиями	129
БЕЗЗВЁЗДНЫЙ СВЯТОЙ	
Святой покровитель тех, кто ищет спасения	
в темноте	135
СВЯТАЯ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА КНИГИ	139

ЛИ БАРДУГО занимает первое место среди авторов самых продаваемых фэнтезийных романов по версии «The New York Times» и является создательницей цикла «Вселенная гришей», состоящего из трилогии «Тень и кость», дилогии «Шестёрка воронов», сборника «Язык шипов» и дилогии «Король шрамов». Её рассказы включены в различные антологии, в том числе «Лучшая научная фантастика и фэнтези Америки». Также перу Ли принадлежат романы «Чудо-Женщина — вестница войны» и «Девятый дом».

leighbardugo.com, grishaverse.com

ДЭНИЕЛ ДЖ. ЗОЛЛИНГЕР — художник и иллюстратор, обладатель ряда престижных премий. Родился в Гленс-Фолс, штат Нью-Йорк, вырос в Скенектади, обучался искусству в Художественном институте Питтсбурга. Прежде чем заняться журнальной иллюстрацией, Дэниел набирался опыта в должности художника раскадровки в рекламных агентствах Мэдисон-авеню. Его работы печатались в «The New York Times», «The Washington Post» и «Esquire». Картины художника демонстрировались как в рамках персональных, так и в составе групповых выставок. В настоящий момент занимается преимущественно книжной иллюстрацией и живописью. Проживает в Холли-Спрингс, штат Северная Каролина, со своей очаровательной супругой Карен.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б24

Leigh Bardugo

THE LIVES OF SAINTS

Печатается с разрешения литературных агентств
New Leaf Literary & Media, Inc и Andrew Nurnberg.
Grishaverse logo and Grishaverse monogram used on cover and spine
with permission. ™ © 2017 Leigh Bardugo.
Illustrations copyright © 2020 by Leigh Bardugo.
Book design by Natalie C. Sousa. Illustrations by Daniel J. Zollinger

Оформление обложки *Екатерины Климовой*
Перевод с английского *Дарьи Невзоровой*

Бардуго, Ли.

Б24 Жизнь святых: [повести] / Ли Бардуго; пер. с англ. Д. Невзоровой. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 144 с. — (Миры Ли Бардуго. Grishaverse).

ISBN 978-5-17-136794-7

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Коллекция иллюстрированных рассказов.

Литературно-художественное издание. Эдеби-көркем басылым
Для широкого круга читателей. Оқырмандардың кең ауқымына арналған

МИРЫ ЛИ БАРДУГО. GRISHAVERSE

16+

Ли Бардуго ЖИЗНЬ СВЯТЫХ

Заведующий редакцией *Сергей Тишков*
Ответственный редактор *Павла Стрелет*
Выпускающий редактор *Анна Алтунбаева*
Технический редактор *Наталья Чернышева*
Корректоры *Елена Филипповская,*
Любовь Кунфер
Верстка *Андрея Копай-горы*

Подписано в печать 05.09.2022 г.
Формат 70×100/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура NewBaskerville.
Усл. печ. л. 11,7.

Тираж 7000 экз. Заказ №
Произведено в Российской Федерации.

Дата изготовления: 2022 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, г. Москва,
Звездный бульвар, д. 21, стр. 1,
комн. 705, пом. I, этаж 7
Наш электронный адрес: WWW.AST.RU
E-mail: ask@ast.ru
Интернет-магазин: book24.ru

Общероссийский классификатор
продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 - книги, брошюры печатные.

Өндіруші: ЖШҚ «АСТ баспасы»
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй,
1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: ask@ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО
«РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы
«РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему пре-
тензий на продукцию в республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабыл-
даушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Дом-
бровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92
Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-
Almaty@eksmono.kz
Тауар белгісі: «АСТ» Жасалған күні: 2022
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей

ISBN 978-5-17-136794-7

Copyright © 2020 by Leigh Bardugo

All rights reserved

© Д. Невзорова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022